

Елена Равинг

ТВАРИ

на нашей планете



16+

Елена Равинг

Твари на нашей планете

«Автор»

2026

Равинг Е. С.

Твари на нашей планете / Е. С. Равинг — «Автор», 2026

Мы – новесы, новые люди на новой Земле, которой дали номен Инова Терра. Семь сотен цикласов назад мы едва не уничтожили собственную планету, сбросив на неё ядерные бомбы, спалив огнём и радиацией всё живое, но сами смогли выжить. Находясь в изоляции, в защищённом урбуме под землёй, мы осознали свои ошибки и, выйдя на поверхность, пытаемся их исправить. Однако облик планеты изменился до неузнаваемости. Теперь её населяют совершенно иные формы жизни: странные растения, мутировавшие животные и свирепые твари, некогда бывшие людьми. Вот только кто из нас – бесчеловечный убийца, а кто – лишь непрощенный гость в этом новом мире?..

© Равинг Е. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Примас	5
Трециклас 1. Схолярес. 1.1. Инова Терра	7
1.2. Мира	22
1.3. Аркам	41
Трециклас 2. Фертилес. 2.1. Интродуктус	52
2.2. Дивидус	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Елена Равинг

Твари на нашей планете

«То, во что ты веришь, становится твоим миром».

Ричард Матесон.

Примас

Диас 21, лунас 06, циклас 729 от ГЭ

В Аркаме происходит что-то невероятное: люди торопятся, суетятся, громко переговариваются, но паника отсутствует. Эвакуационные терретранусы подвозят всё новые и новые партии, и нас становится всё больше и больше. Мы организованно спешим под защиту урбума, вливаемся мощным потоком в настежь распахнутые ворота и движемся по подземным переходам, окутанные предупреждающим светом красных ламп. Полностью заполняем свободное пространство, каждый изгиб и сегмент, концентрируемся возле скринусов и ждём, с замиранием тысяч сердец устремив к ним все взгляды. В воздухе повисает звенящая тишина. Слышно только, как гулко щёлкает хронус, отмеряющий время, а затем из аурусов раздаются голоса ОПВУ:

- Первый Протеруму: на позиции! Либре.
- Второй Протеруму: на позиции! Либре.
- Третий Протеруму: на позиции! Либре.
- Протерум четвёртому: доложить обстановку! Либре.
- Завершил калибровку. Готов! Либре.
- Протерум четвёртому: принято. Либре.

И вновь тишина.

– Протерум всем: готовность первой степени! Ожидаем прибытие объекта... Объект в атмосфере через пять, четыре, три, два, один... Объект в атмосфере! Доложить о видимости. Либре.

- Первый Протеруму: объект в зоне видимости. Либре.
- Третий Протеруму: объект в зоне видимости. Либре.
- Четвёртый. Уже целюсь.
- Протерум четвёртому: доложить по протоколу! Либре.
- Четвёртый Протеруму: вижу объект. Здоровый какой!..
- Протерум четвёртому: не засорять канал! Второй, доложить обстановку. Либре.
- Второй Протеруму: цель появилась. Либре.

– Протерум всем: объект вошёл в зону поражения. Запуск снарядов через три, два, один... Запуск!

Моментас, и с оглушительным хлопком и шипением снаряды покидают жерла орудий. Они летят, оставляя за собой дымовые хвосты, похожие на щупальца октопеса, а затем жадно впиваются в огненную звезду, приближающуюся к поверхности планеты. Сиреневое небо озаряет яркая вспышка. За вспышкой появляется колоссальное облако дыма, которое вспучивается и разлетается во все стороны раскалёнными обломками, орошая красные заросли – вот что мы видим на скринусах урбума.

- Третий Протеруму: поражение – сотня. Либре.
- Первый Протеруму: поражение – сотня. Либре.
- Ошибаетесь, – слышится насмешливый голос. – Девять десятков – вижу обломок! Это четвёртый. Либре.

- Протерум четвёртому: запуск на десять. Либре.
- Четвёртый. Запуск произвёл... Чисто! Либре.
- Протерум всем: подтверждаю – чисто! Цель поражена...
- Бене, мы снова спасли Аркам!
- Протерум всем: сигнал «Зелёный»! Повторяю – сигнал «Зелёный»! Комплите!

После финальных слов Тутериуса красное освещение по периметру сменяется зелёным, а затем гаснет. Вместо него включаются обычные тусклые лампы, наполняющие пространство привычным для глаз тёплым светом. Люди рядом со мной начинают прыгать и радостно обнимать друг друга, словно инфантесы, только что перешедшие в Схолярум на уне либеллус, а я молча стою в стороне и с волнением разглядываю тающие дымовые сферы. Мне обниматься не с кем, поскольку все из моего келлиса прямо или косвенно участвуют в перехвате обломка.

При возникновении воздушной угрозы новесы должны укрыться в стенах урбума и находиться в своих парциумах, пока та не будет устранена. Но, естественно, многие игнорируют данный пактус. Как и в остальных пяти сектрумах, в сектруме тутеров новесы собрались возле скринусов, на которые деклаеры проецируют то, что происходит снаружи: обломок разрушающегося на орбите искусственного спутника Луна-2 под влиянием гравитации приблизился к планете и начал падение, грозя уничтожить с таким трудом восстановленную экосистему. Однако сагитеры его сбили.

Сильнее всего я волнуюсь за Брая. Он мой большой де сиблес и один из лучших сагитеров в Милитеруме – упрямый, болтливый, не всегда идеально исполняющий ордусы, зато самый меткий. Знаю, что теперь он обязательно получит выговор от Балы – партнёрши по келлису, которая вот-вот произведёт на свет их уне филесов, – и предупреждение от ордиуса с занесением в личное дело, а уж потом благодарность и поощрение за успешный выстрел. Наш большой уне сиблес Орин и матрес Цея тоже участвуют в перехвате, только трудятся в Протеруме, под землёй, а Брай там – на поверхности.

Если бы сагитеры промахнулись, если бы обломок достиг планеты, то всё живое в радиусе трёх мегаметров было бы уничтожено. И Брай бы погиб. С другой стороны, в случае промаха под угрозой оказались бы мы все: от наземной инфраструктуры Аркама не осталось бы ничего, новое радиоактивное заражение сделало бы едва освоенные арумы непригодными для жизни, а с истощёнными внутренними ресурсами мы бы уже не восстановились...

Бене, что у нас меткие сагитеры!

Трециклас 1. Схолярес. 1.1. Инова Терра

Мир после ядерной катастрофы – какой он?

Радиоактивные пространства, где исчезло всё живое? Выжженные пустоши, на которых не осталось ни флоры, ни фауны, ни даже примитивных микроорганизмов? Мёртвые города с опустевшими улицами, полуразрушенными остовами зданий и зияющими провалами окон? Всё это мы видели на изображениях из Архиверума, и так оно действительно было когда-то.

Человечество давно находилось на грани самоуничтожения, так что люди успели подготовиться к неизбежному. Наши предки построили гигантский бункер с замкнутой системой жизнеобеспечения, огромными хранилищами, лабораториями и жилыми сегментными – урбум Аркам, где, словно на ковчеге, собрали достижения человеческой цивилизации и образцы исчезающей природы. Знания, технологии, оцифрованные произведения искусства, генетический материал живых существ и информация о прошлом Земли – всё это было надёжно сокрыто в базах Архиверума, дабы по прошествии времени воссоздать мир заново. Когда же день Большого Разрушения – Гранде Эксцисус – настал, горстка людей – несколько тысяч человек из многомиллиардного населения планеты – спустилась под землю.

Сначала сверху посыпались бомбы – сотни и тысячи бомб мощностью в тысячи и миллионы мегатонн, разрушив крупные города, стратегические объекты и важные узлы инфраструктуры. Из-за генерации токов в ионизированном радиацией и световым излучением воздухе возникли сильнейшие электромагнитные импульсы (ЭМИ), которые молниеносно пронеслись по планете и оборвали связь между враждующими странами. Данное бедствие затронуло и Аркам – импульс пробил геоструктуры, отключив питание урбума. Люди оказались заперты в ловушке под толщей горных пород, без света, без обогрева и без подачи воздуха. Но предки предусмотрели такой вариант развития событий и создали резервные генераторы за мощными изоляционными стенами, через которые не могло проникнуть никакое излучение. Вскоре питание и жизнеобеспечение бункера было восстановлено, после чего началось долгое, очень долгое ожидание.

А на поверхности в то время царил настоящий ад, словно пришедший из сказаний древних людей.

Вблизи эпицентров мощных взрывов, сопровождавшихся невероятным выбросом энергии, вспыхнули вихревые пожары. В них горело всё, что могло и не могло гореть – от органики до зданий и даже покрытия дорог. Мегалополисы превратились в колыбели огненных штормов, которые с бешеной скоростью распространились повсюду. Токсичный дым вместе с тоннами опасного пепла и гари (бывшими домами, машинами, людьми, растениями и животными) поднялся в атмосферу, а потом выше – в стратосферу, где под воздействием раскалённых воздушных масс расплылся, объял всю планету и затмил солнечный свет. Далее из туч хлынули потоки густой чёрной жидкости с крупными фракциями радионуклидов, которые поливали обугленную землю, пропитывали почву, отравляли моря и океаны. Мельчайшие же частицы остались в воздухе, сохранив длительность облучения, и потому всё, что не было уничтожено взрывами и огнём, начала медленно выжигать радиация. Невидимый убийца – она просочилась везде и проникла всюду, надолго сделав нашу планету непригодной для нормальной жизни.

Затем наступила ядерная зима.

Солнечные лучи больше не грели, поскольку с трудом пробивались сквозь толщу плотных облаков. Лето исчезло, весна и осень стали похожими на зиму, средние широты покрылись льдами. Сохранившиеся растения не могли вырасти, а если всё же прорастали, то не успевали отплодоносить. Выжившие в нетронутых уголках планеты животные умирали от голода, холода и губительного воздействия. В первую очередь пострадали травоядные и птицы. Следующими стали хищники. Потом – люди.

Поскольку вода остывала медленнее, чем суша, обитателей морей и океанов ядерная зима затронула в меньшей степени. Однако из-за радиоактивных осадков, проникших в мировые воды, рыбы и плавающие млекопитающие также подверглись мутациям, а воцарившаяся тьма уничтожила планктон – их главный источник пищи.

Со временем радионуклиды внедрились в экосистемы и наполнили собой оставшиеся организмы. Частично жизнь на Земле ещё существовала, но исковерканная и утратившая былое разнообразие. А пока она дёргалась в мучительной агонии и медленно угасала, люди по-прежнему ждали – без солнечного света, под землёй, но они жили, и они ждали.

Сотню цикласов наши предки не выходили на поверхность. Они продвигались глубже, достраивали стациумы и сегментиумы, проводили исследования и эксперименты по созданию генетически модифицированных животных и растений, невосприимчивых к остаточной радиации, изобретали технологии, способные защитить людей от новой, агрессивной среды, оберегали память о случившемся и передавали накопленные знания своим потомкам. Когда же ядерная зима завершилась, воздух и вода достаточно очистились, а температура нормализовалась, люди покинули убежище и приступили к восстановлению планеты.

Совершенно другой планеты.

Из-за взрывов её ось сместилась, вращение ускорилося, следовательно, световой период стал короче. Наряду с остальными бедами это вызвало ряд катаклизмов: тектоническую активность, землетрясения, ураганы, тайфуны и наводнения, которые накрыли побережья, изменили очертания материков и буквально смыли все свидетельства человеческого присутствия. Новым людям пришлось перейти на новую систему исчисления времени. Сидерический период прохождения планеты по орбите называли цикласом, состоящим из десятка лунасов, в каждом из которых стало по три десятка и шесть диасов по два десятка хорасов.

И за минимальное количество таких цикласов нашим предкам предстояло сделать то, на что у природы ушли миллиарды лет – им предстояло воссоздать жизнь.

Достижение данной, крайне сложной цели разбили на несколько этапов. Первым этапом стала модуляция атмосферы – очистка воздуха от остаточной радиации и синтез защитного слоя. Далее следовала модуляция геосферы – внедрение связывающих веществ и обогащение почвы на достаточных арумах возле Аркама. А после относительного восстановления экологического баланса люди приступили к восстановлению флоры, фауны и даже человечества – хьюманиса.

Теперь мы называем себя новесами – новыми людьми на новой Земле, которой дали номен Инова Терра. Семь сотен цикласов назад мы едва не уничтожили собственную планету, но осознали свои ошибки и пытаемся их исправить, возрождая экосистемы ради настоящих и будущих поколений. Мы живём по заветам наших предков, руководствуемся пактусами Резолюцуса, трудимся на благо урбума Аркама, а Аркам заботится о нас.

Диас 10, лунас 06, циклас 733 от ГЭ

Подношу запястье к сканеру. Тот едва слышно трещит, считывает индивидуальный цифровой код (ИЦК) и вносит его в реестр вместе с остальными данными: где я нахожусь, куда направляюсь, какое у меня задание и какие ресурсы необходимо для этого предоставить. Мой ИЦК начинается с цифр 02 – это номер кластиса тутеров и номер занимаемого сектрума в Аркаме.

В ограниченном пространстве спасительного бункера лишь жёсткая система кластисов – форм социальной стратификации, на которые, согласно Резолюцусу, разделены все новесы, – позволяла поддерживать стабильность, осуществлять контроль и равномерно распределять обязанности и ресурсы. И мы пользуемся ею по сей диас, так как она доказала свою неоспоримую эффективность.

Всего кластисов шесть, в каждом из которых выделяются основные катервисы:

01 Имперы – управляющие. Ими, как и всем Аркамом, руководит главный лоциус – Империиус. Также к имперам относятся куратеры – контроллеры; лексеры – законники; дивидеры – распределители; архиверы – хранители. И отдельно выделяются деклаеры – информаторы, обычно назначаемые из куратеров или архиверов.

02 Тутеры – защитники, то есть мы. Основные катервисы: протеры – командующие; венатеры – охотники; визеры – дозорные; авитеры – пилоты; милитеры – солдаты. Из милитеров выделяются сагитеры – стрелки, а из венатеров эксплоры – исследователи, и кваеры – следопыты.

03 Калидеры – знающие. У них всего два катервиса: гностеры – учёные, и медеры – лекари, зато ответвлений больше, чем у всех остальных кластисов вместе взятых.

04 Аксилеры – помощники. Это наши эдеры, готовящие пищу; рефектеры – строители и ремонтники; электеры – специалисты технологий; трансеры – транспортники; терсеры – чистильщики.

Ещё есть 05 сурвитеры, снабжающие Аркам живыми ресурсами. Делятся на плантеров – растениеводов, и бистеров – животноводов. И 06 сурресеры, снабжающие ресурсами материальными. Здесь также два основных катервиса: экстрактеры – добытчики, и продуцеры – производители.

Итак, ИЦК тутеров начинается с цифр 02, а далее следует порядковый номер, присваиваемый каждому новесу при партусе. Система автоматическая. Когда кто-то уходит из жизни, его номер вносится в реестр свободных номеров и через циклас становится доступным для выдачи. Таким образом выдерживается карантин, если система дала сбой, новес пропал или ошибочно числится погибшим. В силу специфики труда, которым занимаются тутеры, с нами подобные неточности случаются особенно часто – во время экситусов проще простого застрять в топях, свалиться со скалы или затеряться в непролазных зарослях, кишаших свирепыми хищниками. При этом за один циклас вполне можно найти и подать на реинкарнацию.

Если повезёт выжить.

В итоге реестр перестал быть упорядоченным. Например, может появиться новес номер 01038, за ним – 00001, и сразу после – 09995. Количество новесов в каждом сектруме строго ограничено – 10 000, а поскольку Аркам разделён на шесть сектрумов (по числу кластисов), общее число аркамесов не должно превышать 60 000, иначе урбум не сможет обеспечить всех ресурсами. Но это не страшно, ведь по факту нас, разумеется, меньше. Во-первых, у системы имеется резерв на целое поколение филесов. Во-вторых, из-за высокой скученности Аркам периодически выкашивают эпидемии (за недолгий период существования на поверхности Иновы таковые случались уже трижды). И в-третьих, когда количество новесов начинает приближаться к критическому, система приостанавливает выдачу разрешений – то есть мы перестаём размножаться.

Задумавшись, провожу пальцем по цифрам – мой номер 02-07907, а значит, кто-то из тутеров с таким же номером принял мортус минимум циклас назад. Надеюсь, естественным способом...

Индивидуальный цифровой код охватывает оба моих запястья, щиколотки, а также дублируется на затылке, чуть ниже линии роста волос. Вместе с сигнусом кластиса – изображением принадлежности на левой щеке – они упрощают контроль, идентификацию, а также гарантируют её, если новес при жизни или после смерти лишается конечностей.

Даже всех четырёх.

Так произошло с Орином (моим большим уне сиблесом), когда тот был схоляресом и только перешёл на тре либеллус обучения. Во время тренировки на агруме из-за неаккуратного обращения с разрывными снарядами произошла внезапная детонация одного из них. Орин не был виноват, он всегда получал только высшие баллы, проявлял максимальную осторожность и педантичную сосредоточенность, чего нельзя сказать о его напарнике... В результате напар-

ник не пострадал, успев прыгнуть в укрытие, а моему сиблесу, попытавшемуся предотвратить разрушение и тем самым спасшему несколько жизней, оторвало руки и ноги.

Теперь он – биомеханес с многофункциональными протезами всех конечностей и один из умнейших новесов в Протеруме. Многие считают, что Орин мог бы осилить даже труд Тутериуса (знания и статус вполне позволили бы ему стать лоциусом), но, несмотря на пактус, что все мы якобы равны перед Резолюсусом, этого никогда не случится из-за его дефекта...

Неожиданно ощущаю бесцеремонный и довольно болезненный толчок в спину.

Разворачиваюсь и вижу Вегу 02-09161 – одну из схоляресов. Это изящная и очень светлая малес с русыми волосами, маленьким острым носом и тонкими губами. Её нежно-карие, почти ореховые глаза могли бы казаться тёплыми и привлекательными, если бы их обладательница не смотрела столь холодно и надменно, кичась осознанием собственной уникальности. Ведь по-настоящему светлых людей среди нас становится всё меньше. Хотя это не является преимуществом, светлыми, то есть рецессивными генами обладают по большей части естественные уне филесы во многих поколениях аркамесов, чьё появление в наших реалиях неумолимо стремится к нулю.

Вега буквально прожигает меня выжидательно-недовольным взглядом, сигнализируя, что следует убраться с её пути. Так и поступаю – направляюсь к следующему пункту, где получаю потрёпанный сагемиттус и разгрузку, больше похожую на древний колчан стрел.

Почему-то схоляриус Яс питает любовь именно к данному виду оружия, считая его самым надёжным и, возможно, самым безопасным для нас. У визеров и тех имеются навороченные дистемиттусы со снарядами различного типа – от простых поражающих до разрывных. Но они затратны в производстве, и схоляресам выдаются редко, дабы мы не утратили их вместе с конечностями где-нибудь в лесах. Ещё существуют игнемиттусы, используемые для зачистки больших арумов, и нуклемиттусы с функцией подзарядки от солнечной энергии, которые практически вышли из обихода. Разумеется, возможность передвигаться без лишних килограммов на разгрузке, но с теоретически неисчерпаемым арсеналом, выглядит привлекательной. Однако на деле, то есть в зарослях, куда естественный свет пробивается с трудом, после пары десятков выстрелов нуклемиттусы превращаются в бесполезные и достаточно тяжёлые куски металла. Новесы использовали их, когда близ Аркама ещё не буйствовала восстановленная растительность (и то непонятно, в кого они стреляли). А теперь нуклемиттусы годятся исключительно для поражения с воздуха или для тренировок схоляресов, ведь их мощность можно убавить до минимума, превратив в иммобилемиттусы. Проще говоря – парализаторы. А ещё проще – иммиты. Мы сокращаем подобные термины, как и другие сложные названия и номены, поскольку, пока выговоришь слово «Иммобилемиттус», уже будешь мёртв. И ладно, если на агруме, а не в действительности.

Я методично и тщательно проверяю своё оружие и запас стрел. То же делают тресы рядом со мной, а Вега нетерпеливо фыркает, закинув выданный ей экземпляр на плечо и демонстративно выставив затынутое в красную униформу бедро. Она уже готова – ну никак не успеет на планеволус! По мне, лучше потратить пару минов на проверку, чем оказаться в зарослях с нефункционирующим сагмитом. Тем более в такой диас!

– Как думаешь, сможем добыть парочку тварей? – громко спрашивает Стин 02-05701 и грубо бьёт меня по плечу.

Естественно, когда я наношу защитную мазь, и, естественно, это заставляет непроизвольно надавить на тубик, отчего густая буро-красная субстанция с неприличным звуком плюхается на пол. Я краснею (бене, что под слоем мази и меланина этого почти не видно), а тресы смеются и многократно повторяют тот самый звук. Не смеётся лишь Рэй. Он просто улыбается, чтобы поддержать настроение общее, и незаметно со мной переглядывается, чтобы поддержать настроение моё.

Ни мне, ни Рэю не нравится добыча тварей. Живыми их удаётся взять редко (вот гдегодились бы иммиты), а тех, кого всё-таки удаётся, мы доставляем в лабораторию Гностерума. И неизвестно, что для данных существ является худшей участью: смерть или долгое и мучительное существование в качестве подопытных объектов. Гностеры испытывают на тварях действие различных препаратов, проводят опыты и изучают, пытаются понять, как им удалось выжить в условиях повышенной радиации и насколько сильно они мутировали. Изучают, чтобы потом помочь новесам приспособиться к навсегда изменившейся среде обитания.

– После Интродуктуса я стану схоляриусом уне либеллуса, – тихо ворчу я, дабы нас не услышали. – А ты?

– Пока не знаю, – также тихо отвечает Рэй. – С одной стороны, мне нравится находиться вне урбума, а с другой...

Не договаривает, но я его понимаю.

В прошлом цикласе Рэй три диаса просидел в инсулариуме, поскольку отпустил попавшуюся в ловушку тварь. А после, в подобной ситуации, принял решение бездействовать, и тварь увели другие схоляресы. Обошлось без инсулариума, однако ему выдали предупреждение с занесением в личное дело.

Такие приступы жалости (как выражается схоляриус Яс) случаются у многих, особенно в начале обучения, потому их старательно вытравляют из нас соответствующими задачами и наказаниями. У меня, например, в первый раз не получилось стрелять по живым мишеням, для которых бистеры предоставили ожидавших мортуса овесов. Пришлось перебороть себя и расстрелять милых созданий, после чего их туши отправили в эдериумы для приготовления пищи, а меня – в медериум за седативными капсулами.

В идеале, к завершению обучения мы должны огрубеть настолько, чтобы сравняться с бездушными машинами, чётко осознающими свои функции и безоговорочно исполняющими ордусы руководства. И нас жёстко ломают, если мы не можем или не хотим становиться безжалостными, ведь тутеры должны быть такими по определению – то есть, по принципу партуса в данном кластисе. На нас лежит ответственность за новесов и весь Аркам. Мы осуществляем контроль, поддерживаем стабильность функционирования системы и всегда находимся в боевой готовности. Мы защищаем урбум, защищаем арумы, защищаем периметр, защищаем зоны добычи ресурсов и даже планету защищаем тоже мы.

Вот только не все тутеры являются безэмоциональными исполнителями, как не все имперы – сухими контроллерами, а калидеры – запредельными умниками. Бывает, что физически, психологически или ментально новес, как его ни обучай и ни наказывай, совершенно не подходит своему кластису. Это не поощряется, но и не считается браком, ведь при действующей системе строжайшей стратификации генетически нас постоянно перемешивают. А поскольку каждый кластис предоставляет достаточную вариативность в выборе труда, для таких индивидов просто подбирают соответствующую деятельность (и у венатеров есть необходимость вести учёт, и у терсеров есть места, в которые ни один новес в здравом уме не полезет).

Труд «Неподходящих» тутеров по большей части скучноват: разбирать документацию в головных пунктах или обучать унесов в Схолярумах. Тем не менее, это приемлемая альтернатива для тех, кто не хочет до сенектуса бегать по лесам или агрумам с сагмитом или дисмитом, поскольку, кроме способности убивать, у нас встречаются и другие, более мирные способности. Рэй, например, отменный кваер – может выследить кого угодно и заметить то, что не увидят другие. Он не жесток, но он тутер – слишком сердечный тутер.

Наверное, на том мы и сошлись.

Рэй 02-05331 является естественным уне филесом у своих генесов, хотя больше похож на нас – филесов совмещённого генома. Ростом он чуть выше среднего. Кожа смуглая, но не слишком (по крайней мере, светлее, чем у меня – пятого тёмно-европейского фототипа), волосы

тёмные, но опять же не слишком (скорее коричневые, нежели чёрные) и такого же цвета борода, когда он её не удаляет (а не удаляет он её практически всегда). Нос – обычный, средневропейский, угловатый, губы – широкие и такие же угловатые, а подбородок имеет форму квадрата и немного выдаётся вперёд, из-за чего смотрится большим и тяжёлым по отношению к остальному, достаточно узкому лицу. Такая внешность уне филеса объясняется происхождением его генов: матрес Тавия 02-06132 – искусственная, совмещённого генома, потому смуглая и тёмноволосая, а патрес Геон 02-03793 – потомок светлых и тёмных новесов в нескольких поколениях. И единственное, что отличает Рэя от нас, это цвет раскосых, но по-европейски широких глаз – какой-то непонятный, мутно-зелёный, как и у его патреса, и у меньшей сиблес Ариты 02-05772.

А ещё Рэй – мой амес, то есть друг.

Грузимся в планеволусы. Их шесть (по одному на каждый сегмент периметра), а нас более трёх сотен: сотня, шесть десятков и пять виресов; сотня, два десятка и три малес; десяток и восемь сопровождающих схоляриусов, плюс управляющие планеволусами авитеры и милитеры, ответственные за охрану. Таким образом, у каждого фертилеса под наблюдением находится десяток и шесть тресов.

С ног до головы мы обвешаны записывающей аппаратурой, фиксирующей частоту дыхания и сердцебиения, температуру и давление, считывающей мозговую активность, отслеживающей перемещения, прослушивающей переговоры и ведущей визуальное наблюдение. Устройств так много, что красной формы, которая должна камуфлировать нас среди буйной растительности Иновы, практически не видно. Зато каждый наш шаг, каждый вздох, каждое действие – равно как и все наши достижения, ошибки и самые мелкие мелочи – будут беспристрастно фиксироваться системой. Далее полученную информацию передадут в Схолярум венатеров и Венатерум, на базе которого проходит обучение в этот либеллус, а затем – в Протерум, где специальные программы тщательно всё проанализируют и выдадут соответствующие характеристики.

А вот сопровождающие схоляриусы начали следить за нами уже сей хорас, хотя мы даже не взлетели. Об этом не объявлено официально, но я вижу, какие взгляды они кидают не только на особо выделяющихся тресов, на которых невозможно не смотреть, но и на тех, кто не выделяется вовсе. А заодно будто мимоходом что-то отмечают в портативных планусах. Меня это совсем не удивляет. По сравнению с любой, даже самой чувствительной техникой, человеческий глаз способен уловить куда больше эмоций: едва заметные колебания, тонкие изменения психического состояния или вовсе интуитивные ощущения – то, что машины, просчитывающие людей по заданным алгоритмам, за сотни цикласов распознавать не научились.

Столь пристальный контроль на финальном экситусе необходим для формирования итоговых рекомендаций перед Интродуктусом, где каждый из нас выберет дальнейший катервис труда. А пока мы, схоляресы тре либеллуса обучения, просто сидим в планеволусе, болтаем (ну, практически все) и ждём высадки в заданном квадруме. Тресы отпускают подбадривающие шуточки, а схоляриусы снисходительно на них поглядывают, поскольку знают, что вся эта необдуманная болтовня также подвергнется анализу в Протеруме и повлияет на результаты.

Ноне, не желаю участвовать в подобном дебитусе!

С самого первого диаса, как мне исполнилось пять цикласов и меня отправили в Схолярум тутеров на уне либеллус, я – номнес, не со всеми. Не знаю, почему так сложилось, но остальные схоляресы собирались группами, общались и шутили, а для меня это было сложно. И со временем шутить начали уже надо мной. Сначала просто смеялись, а затем шутки стали серьёзнее и злее: мне портили пищу, прятали снаряжение или «Случайно» закрывали в схоляриумах после занятий. Издеваться не издевались и физически не трогали, ведь за это можно получить предупреждение, но и в покое тоже не оставляли.

Матрес говорила, что они просто завидовали, поскольку по теоретическим дисциплинам мои показатели часто превосходили и до сих пор превосходят показатели остальных. Но в физической подготовке я по-прежнему в отстающих, и это по-прежнему является поводом для шуток, хотя в целом мои обидчики немного успокоились. Возможно, потому что теперь рядом со мной Рэй. Он весёлый, любит привлекать внимание и легко находит общий язык с кем угодно. Он стал своеобразным буфером между мной и другими схоляресами: они общаются с ним, а он общается со мной, потому им волей-неволей приходится меня, если не принимать, то хотя бы терпеть.

Сей хорас Рэй пребывает в приподнятом настроении, болтает и смеётся, но схоляриусов не трогает – понимает, что и так накопил достаточно предупреждений, а поведение, которое пока позволено тресам, может горько аукнуться после Интродуктуса. Я же молча отворачиваюсь к смотровому отверстию и, игнорируя остальных, разглядываю проплывающую под днищем красную растительность. Планевопус бесшумно скользит над поверхностью, направляясь к южной части периметра сурвитеров, солнце только поднимается над финитусом, и семечик-лумы двух растущих лун – настоящей и искусственной – чётко вырисовываются на светлеющем сиреновом небосводе...

Из-за пожаров, радиации, выбросов углекислого газа и других химических соединений атмосфера стала токсичной. Кислород выгорел, а озоновый слой, защищавший планету миллиарды лет, был разрушен. Со временем воздух прояснился, вода и почва очистились, но оно осталось – беспощадное солнце, теперь отчаянно выжигающее ультрафиолетом всё живое. В таких условиях восстанавливать биосферу было бесполезно, ничего бы не выжило под его палящими лучами. Растения, способные поглощать углекислый газ и выделять кислород, сохранились в лабораториумах и терриумах, но их количество было ничтожно мало, а процесс естественного воссоздания озонового слоя занял бы слишком много времени, которого у людей не было.

Поэтому первым этапом стала модуляция атмосферы.

Синтезировать кислород люди умели, чем и занимались для поддержания жизнедеятельности в Аркаме. Однако синтезировать озон не представлялось возможным: данное соединение было нестабильным, молекулы разрушались примерно с той же скоростью, с какой создавались, и в итоге объёмы газа получались минимальными – с такими результатами учёные прошлого столкнулись ещё до ядерной катастрофы. Едва спустившись под землю, гностеры приступили к решению этой проблемы, поскольку осознавали: без защитного озона люди никогда не смогут вернуться на поверхность. Их труд осуществлялся по двум направлениям: поиск стабильного способа синтезировать озон и создание аналога, который выполнял бы те же функции.

Через сотню цикласов подходящее химическое соединение было найдено – гностеры создали искусственный газ, по свойствам схожий с озоном и кислородом, который получил номен «Руберий» – Rr. Этот газ легко синтезировался в достаточном для планеты количестве, обладал стабильностью и малой плотностью, благодаря чему поднимался в верхние слои атмосферы, где при низких температурах конденсировался в своеобразную плёнку. Но самое главное – по результатам проведённых исследований, руберий оказался безопасен для живых существ и виделся настоящей панацеей, способной в кратчайшие сроки решить множество созданных нами проблем. Пять десятков цикласов ушло на изготовление машин и производство самого газа. Не останавливаясь ни диас, ни ночас, его выпускали в атмосферу новой Земли, пока уровень солнечной радиации не снизился до допустимого, что позволило новесам покинуть стены Аркама.

Вот только из-за руберия облик планеты изменился до неузнаваемости.

Во-первых, этот газ имеет красный оттенок и по-другому рассеивает свет. Небо перестало быть голубым, как на оцифрованных изображениях из Архиверума – теперь оно сиреневое с переходом в красный и даже бордовый.

Во-вторых, сколько бы ни возлагалось надежд, руберий справляется со своей функцией хуже, чем озон – показатели так и не снизились до первоначальных значений. Дабы уберечься от остаточного, не смертельного, но всё-таки повышенного уровня излучения, людям пришлось использовать дополнительные меры защиты, включающие как элементы одежды, так и средства для кожи, что повлекло за собой новую задачу – в условиях ограниченных ресурсов создать столь необходимое, действенное и малозатратное средство. Спустя цикласы сама природа подарила его нам, но тогда до этого было ещё далеко...

В-третьих, оказалось, что руберий не столь безобиден. Он может вступать в реакцию с некоторыми химическими веществами, замещая в них кислород, и обладает кумулятивным эффектом. Но самое страшное – он способен связываться с нашей кровью и изменять её состав. Поскольку одну молекулу руберия вынуждены тащить две молекулы железа, кровь постепенно загущается, и пока учёные выясняли данный факт, многие новесы умерли от тромбирования сосудов. Эта эпидемия вошла в реестр под номеном Сангве Морбус – Кровавая Болезнь, – которая значительно сократила наш и без того небольшой популяцис. Но всё же гностеры нашли способ справиться с данной напастью – людям стали добавлять в еду антикоагулянты, а выращиваемым в лабораториумах животным модифицировали геном.

Получив возможность на продолжительное время покидать стены Аркама, новесы приступили ко второму этапу – к модуляции геосферы.

Погибающие бесплодные земли нуждались в очистке и восстановлении, как и питающие их воды. Раскупорив замкнутую систему, мы начали использовать внешние ресурсы, но если в пределах урбума они подвергались необходимой дезактивации, то в более глобальных масштабах дезактивации следовало подвергнуть если не всю планету, то хотя бы достаточные арумы близ Аркама. Методично и целенаправленно мы орошали почвы специальными составами, которые связывали остаточную радиацию и насыщали их органическими соединениями и бактериями. Это был очень тонкий труд – подобрать такие химические и биологические компоненты, чтобы принести пользу и не нанести нового вреда; чтобы необходимые бактерии выжили, но не размножились бесконтрольно и тем более не были вытеснены вредоносными микроорганизмами. А вторая проблема заключалась в масштабах обрабатываемых арумов – они были огромными. наших физических и временных ресурсов не хватало даже на небольшой континент, однако чистую зону для восстановления биосферы создать удалось. И с каждым диасом она всё расширялась, принося надежду на успех.

Поскольку второй этап в перспективе казался безмерно долгим, ещё до его завершения на дезактивированных арумах начался третий – модуляция флоры.

Большая часть сохранившихся растений не могла существовать в условиях повышенного излучения, но некоторые виды оказались способны ему противостоять. В основном это были суккуленты, мхи и красные лишайники – с них и началось изменение растительности.

Учёным прошлого было известно, что красные лишайники питаются от бурых водорослей и бактерий, осуществляющих фикобилиновый синтез. И появились они миллиарды цикласов назад – то есть в тот период существования молодой Земли, когда уровень солнечной радиации был слишком высок. Потому именно к бурым водорослям и синтезу фикобилинов обратились наши гностеры. Дальнейшее изучение этой линии дало положительные результаты, позволив создать красно-зелёные гибриды, которые могли отражать основную часть вредного излучения. Такие гибриды высадили близ Аркама, а их семенами засеяли дезактивированные арумы.

Но тут коварный руберий проявил себя снова – он изменил состав вырабатываемых растениями углеводов, что со временем изменило и их. Новые экземпляры получили окрас от

тёмно-фиолетового до ярко-оранжевого, стихийно мутировали и успешно распространились по очищенным арумам. В результате, истинно зелёные растения сохранились в лабораториях и терриумах с насыщенной кислородом атмосферой, возле урбума остались красно-зелёные гибриды, а на диких территориях появились совершенно новые виды, которые приходится заново изучать и исследовать.

Теперь мы пролетаем над плотным покровом, окрашенным во всевозможные оттенки красного, и словно ничего не замечаем. Его цвета, всегда приглушённые активированными фотофильтрами, являются привычными, поскольку с партуса мы не знаем ничего другого. Хотя, ноне – знаем. На уне либеллусе нас обязательно водят в терриумы и показывают, как растут сорта древних растений, которые люди до сих пор употребляют в пищу, а на занятиях по истории Иновы демонстрируют изображения из Архиверума. Однако у непоседливых схоляресов это не вызывает особого интереса и моментально забывается. Сие, почти каждый диас на раздаче пищи нам дают какой-нибудь салат или рагу, в том числе с зелёными овощами, но никто не задумывается, почему они такие, если остальная природа возле урбума – красно-фиолетовая. Овощи воспринимаются просто как еда – как кусок приготовленного мяса не воспринимается частью организма, бывшего некогда живым. И потому нам сложно осознать, что сей циклус планета могла бы выглядеть иначе: что мы летели бы над зеленью лесов, а над головой было бы голубое небо, из-за преломления света в толще кислородной атмосферы.

Некоторые считают, что предки сделали новый мир более красочным и интересным, чем прежде. Не знаю... Более сложным – это точно. Однако, глядя на колыхающиеся под днищем пунцовые заросли, невозможно не признать, что они являются настолько же прекрасными в своём буйстве и жажде жизни, насколько ужасны обстоятельства, способствовавшие их появлению...

Вскоре заходим в нужный пункт. Авитеры выбирают подходящее место и аккуратно опускают планеволус. Двигатель замирает – то есть прекращается мелкая вибрация, всё это время противно зудящая за ушами и на кончиках пальцев. Значит, место действительно удачное. Посадка не всегда проходит столь гладко. Иногда авитеры производят лишь высадку и уходят в другой пункт. А иногда, из-за неровности рельефа, возможность сесть отсутствует вовсе, и нам приходится спускаться по тросам, пока планеволус зависает в воздухе. Благо, машина функционирует бесшумно, вместо тяговой силы используя магнитное поле планеты, иначе все твари разбежались бы задолго до нашего появления.

Надев галусы, подключив аурусы и натянув текстусы, мы спрыгиваем на землю и по колено утопаем в красном разнотравье. Затем схоляриус выстраивает нас в линию, быстро проводит инструктаж, раздаёт указания, озвучивает пары, и по сигналу мы отправляемся на осмотр выделенного квадрума.

Ничего сложного: ходи по зарослям с сагмитом наготове, прочёсывай местность и старайся не попасться в лапы какому-нибудь зверю или твари. Многие относятся к подобным задачам легкомысленно, но некоторые потом не возвращаются. Например, не так давно ордис 48-3 Дельта подвергся нападению, и из двух десятков опытных фертилисов не выжил никто. Обезображенные останки людей и ключья снаряжения были найдены среди лесов в квадруме, где ордис выходил на связь в последний раз. Дисмиты и передатчики пропали, сигнал был утерян. Это дало повод для рассуждений, что твари являются не настолько дикими, как предполагалось ранее, и что они готовят вооружённое восстание против аркамесов. Но то были лишь рассуждения – восстание так и не случилось, а оружие мёртвых тутеров до сих пор никто не применил.

Почему участники диспутуса решили, что на ордис напали именно твари? Потому что на единственном найденном, сильно повреждённом передатчике сохранилась запись, как к людям бегут красные существа – дамнаресы.

Никто не знает, откуда они взялись. Гностеры предполагают, что не одним новесам, укрывшимся в стенах Аркама, удалось спастись от глобальной катастрофы, что были и другие выжившие. Возможно, они спрятались в пещерах, шахтах или старинных бункерах и как-то переждали ядерную зиму. Только у этих людей, в отличие от нас, не было надёжной защиты и мощных систем очистки, потому они пили заражённую воду, питались мясом заражённых животных, а в условиях нехватки припасов могли даже поедать своих умерших. Также, возможно, используя старинные генераторы, они выращивали растения и овощи, но в итоге голод и истощение выгнали их из ненадёжных укрытий в объятия радиоактивного мира.

Их ДНК изменилась, мутировала, что привело к появлению совершенно иных существ.

Тех, кто ещё сохраняет облик, близкий к человеческому, мы называем дамнаресами или, по-простому, – тварями. Их тела напоминают наши, но имеют хвосты, небольшие рога и красную кожу, иногда пигментированную неровно – с более тёмными и более светлыми участками. Дамнаресы передвигаются на двух конечностях, общаются при помощи элементарных звуков и имеют некоторое подобие социализации: живут общинами, пользуются примитивными орудиями – во всяком случае, подобные свидетельства мы обнаруживали, когда находили их селения.

Гностеры утверждают, что столь убогий уровень является следствием стремительной и до сих пор прогрессирующей деградации. А насколько стремительной и насколько прогрессирующей, можно наблюдать на примере индомесов – существ, человеческий облик утративших вовсе. Это потомки людей, которые подверглись более сильному и длительному облучению. Они в край одичали, передвигаются на четырёх конечностях, хотя всё ещё могут вставать вертикально (физиология это позволяет). Их кожа имеет насыщенно-красный цвет с оттенками фиолетового, обладает свойством подстраиваться под растительность, а кроме визуального камуфляжа осуществляет камуфляж температурный, из-за чего наши термевизусы их не засекают. Рога у них больше и внушительнее, кости черепа – толще и массивнее, потому мозг, которому осталось меньше места, сжался. Считается, что издаваемые индомесами звуки напоминают смесь рычания и криков чимесов – древесных приматов, – а речь они полностью утратили. На латинском языке слово «Индомес» означает «Свирепый», но чаще мы называем их bestиями, от слова «Бистес» – «Зверь».

И, по великой насмешке уничтоженной нами природы, именно в таких зверей превратились некогда великие хомо сапиенсы, и продолжают превращаться твари.

Индомесов удаётся добыть ещё реже, чем дамнаресов. Они менее умные, зато более осторожные и обладают инстинктами, граничащими с предвидением. Они не просто слышат приближение планеволусов – существует теория, что bestии ощущают изменения поля, потому всегда успевают скрыться, и потому мы часто находим следы их присутствия, но их самих никогда. К тому же от Аркама bestии давно разбежались. За последнюю сотню цикласов было добыто всего пять экземпляров, и то по чистой случайности, а не по результатам отменных действий венатеров. Чаще же все попытки оборачиваются трупами самих добытчиков, из-за чего официально это не входит в наш функционал. И всё же, не смотря на данные обстоятельства, поймать красного зверя, живым или мёртвым, мечтает каждый уважающий себя венатер.

Точнее, почти каждый.

Хоть мы с Рэем являемся тутерами, и наши лица украшают простые квадрегонумы, посвящать жизнь труду венатеров не собираемся. Ловить и убивать bestий или тварей не собираемся тем более – отсутствует в нас такое желание. Однако, пока идёт обучение в Схоляруме венатеров, приходится действовать вопреки всем желаниям.

Бене, что данный диас – последний.

Мы снова в паре. Благодаря камуфлирующей расцветке, подобно bestиям, сливаемся с цветом обступающего со всех сторон леса и медленно продвигаемся вглубь.

Форма венатеров является продуманной, универсальной одеждой для долгого нахождения в зарослях и немного отличается от аналогичной формы тех же милитеров или визеров.

У них другие ордусы и другие задачи – в основном, в стенах урбума. А венатеры каждый диас рискуют остаться один на один с дикими землями: могут затеряться, сорваться с обрыва, попасть в бурный поток или сделаться единственным выжившим из всего ордуса. Собрать необходимые вещи в объёмный рюкзак и постоянно таскать его с собой, как это делают эксплоры и редкие гностеры, – не лучшая идея. Потому продуцеры придумали форму, благодаря которой венатеры носят всё на себе, и в которую сей хорас облачены и мы.

Во-первых, она сделана из особой синтезированной ткани: отводит от тела лишнюю влагу, не рвётся, не промокает, не горит, быстро высыхает, способствует терморегуляции и защите от большинства кровососущих паразитов. Последние просто не могут её прокусить, а единственный способ подобраться к телу – проникнуть через плотноприлегающие манжеты либо заползти за пояс во время отправления естественных нужд. Таким образом, в ночасы форма легко заменяет защитную сетку везде, кроме головы и лица, для которых в воротах предусмотрен складной капюшон.

Во-вторых, в специальных карманах на плечах, предплечьях, бёдрах и голених располагается необходимый запас выживания (НЗВ): питательные капсулы, плазменный скребок, ножи, карабины, тончайший паракорд из прочных нанонитей, складная ёмкость для воды, минимальное количество шоковых медикаментов и жгуты для остановки кровотечений (когти и зубы зверей могут нанести существенные повреждения даже при наличии защиты). Из технических средств в НЗВ входят: передатчик с аурусом, портативный планус, компас (он же хронус) и фонарь. Поверх формы мы надеваем защиту, которая состоит из отдельных пластин и не сковывает движения. Ещё галус, текстус, подстраивающиеся под интенсивность освещения очки, перчатки, а также разгрузку с боеприпасами, медицинской сумкой, сигналками, энергетическими блоками, ещё ножами и ещё карабинами (в горной местности лишними не бывают). Ну и, естественно, оружие. На длительных экситусах к этому комплекту добавляется малый или большой (мы называем его «Гностерический») рюкзак, в котором находятся не столь необходимые, а скорее обеспечивающие комфорт вещи: тент, предметы гигиены, запасная форма, нательное бельё и обувь, личная и прочая посуда, сухпаёк и прочие продукты, если протоколом не предусмотрен пункт питания и эдер.

Сей диас проходит финальный экситус, потому идём без рюкзаков. А всё остальное из НЗВ, разумеется, находится на нас, прикрытое бесчисленным количеством датчиков и пишущих устройств. Внимательно и осторожно обследуем выделенный квадрум и, сверяясь с данными, загруженными в планусы, проверяем расставленные там ловушки. Тварей пока не видно. Бестий – тем более. Схоляриусы рядом отсутствуют, они направились с другими парами, однако незримый и пристальный контроль всё равно ощущается. Обычно Рэй заводит какой-нибудь бестолковый разговор, но теперь молчит, осознавая ответственность момента.

За это его и люблю: когда надо, он может поговорить, а когда надо – помолчать.

Я внимательно слежу за окружающими звуками: шёпотом ветра в кронах гигантских деревьев, пением авесов в зарослях, шуршанием крыльев в кустарнике, стрекотанием инсектесов в лесной подстилке. Периодически в аурусах раздаются голоса тресов из нашего ордуса, кроме необходимых данных обсуждающих всякую ерунду, то есть ответственность не осознающих и потому вызывающих жуткое раздражение. Однако злось я не только из-за болтовни – они мешают слушать. Даже обычный шорох листьев может предвещать опасность, оказавшись грозными шагами твари или лёгкой поступью горного тайреса. Приходится постоянно быть начеку, ведь мы находимся на задании в дикой местности. А так хотелось бы отдохнуть, снять с себя тяжёлую экипировку, избавиться от голосов в голове и сесть возле филиксе арбеса, чья крона похожа на раскрытый тент, надёжно защищающий от палящих солнечных лучей.

И просто слушать лес...

Но всё, что мы можем – лишь сдёрнуть текстусы в густой тени.

Через какое-то время я улавливаю подозрительный шорох и замираю. Следуя инструкции, старательно вдолбленной в голову, подаю напарнику знак, тихо докладываю в передатчик, и уже с удвоенной осторожностью мы начинаем продвигаться в направлении звука. Я медленно шагаю, не сводя глаз с точки впереди, где, как мне кажется, растительность неестественно колышется. А Рэй прикрывает наши спины, поворачивая сагмит во все стороны.

Протягиваю руку, отодвигаю занавес из пурпурных лианесов...

И вижу её.

Тонкое, гибкое тело едва прикрыто выделанной шкурой, прошитой грубыми, жилистыми нитками. Длинный хвост, продетый в отверстие (то есть в обычную дырку в шкуре), яростно взлетает вверх и бьёт по листьям, отсекая от них куски и не позволяя подойти ближе. Взгляд зелёных глаз, наполненный страхом и животной ненавистью, перескакивает с меня на Рэя, а из открытой пасти вырывается шипение зверя, почуявшего опасность.

Это самка твари, и она попала в ловушку.

В её ногу впиалась петля-удавка, из-за чего по гладкой красной коже стекают струйки более тёмной крови. В попытках освободиться самка отчаянно дёргается, однако петля лишь сильнее затягивается, рассекая и кожу, и мышцы. Нанонити невозможно разрезать примитивными ножами, какие имеются у дамнаресов, петлю невозможно ослабить, не зная, как действует механизм, потому другие особи ничем не смогли ей помочь и просто ушли. И, видимо, это произошло недавно, ведь от долгого нахождения в такой ловушке можно лишиться конечности. Поскольку раненые звери всё равно не выживут, то их отправляют на мясо, а тварей в любом случае отправляют в лаборатории, где гностеров не особо интересует – четыре у них лапы или вообще ни одной!

Моментас замираем в нерешительности.

Знаю, какие мысли проносятся в голове Рэя, те же, что и в моей: ну почему именно в этот диас и почему именно у нас?! Ещё на солепримасе мы думали, что проведём финальный осмотр периметра, выберем труд в урбуме и никогда больше не будем участвовать в подобном зверстве.

Однако всё пошло не по плану.

Следует доложить схоляриусу, обезвредить тварь и доставить её на планеволус, но ни я, ни Рэй не решаемся начать. Ситуация становится критической, ведь наше бездействие тоже записывается – дальше медлить просто нельзя. Я уже открываю рот и подношу к нему передатчик, когда Рэй делает едва заметное движение – предупреждение «Сзади», только несколько иное. Мы давно условились, что при таком сигнале смотрим в разные стороны, дабы камеры ничего не зафиксировали. Резко разворачиваюсь, вскидываю сагмит и прочёсываю глазами пространство в поисках опасности, которую он якобы заметил. Разумеется, таковая отсутствует, но Рэй просил, а значит, он хочет...

Слышу громкое шипение у себя за спиной. Даю амесу ещё несколько мгновений, чтобы не скомпрометировать...

Всё.

Поворачиваюсь обратно и вижу: сломанные очки валяются на лесной подстилке, руки измазаны кровью, петля разомкнута, а тварь хвостом схватила Рэя за горло и душит. Выглядит как нападение при попытке нейтрализации. Направляю на самку оружие, и она шипит уже на меня. Моментас смотрит своими зелёными глазами в мои, спрятанные под посветлевшим пластиком, а затем молниеносно бросается в заросли. Я делаю пару выстрелов, и стрелы прогрызают древесину в миллиметрах от её исчезающего хвоста. Так задумано. Я хороший сагитер, ведь у нас с Браем это наследственное – стоило мне прицелиться, и она не ушла бы отсюда живой.

Теперь надо заняться напарником. Он стоит на коленях, держится за повреждённое горло и судорожно хватается ртом воздух. Мышцы хвоста у тварей очень сильные, самка могла сломать ему позвонки или убить, но не успела...

А может, не захотела?

Рэй освободил её, но поняла ли она это?

Осознала ли, что мы не желали ей зла, или, словно зверь, вырвавшийся на волю, просто убежала, не испытав ни капли благодарности?..

Помогаю Рэю подняться и подбираю очки. Бене, что мы находимся в тени, потому отсутствие защиты не сильно повредит его глазам.

– Идём, – говорю я, а затем озвучиваю в передатчик: – Восьмая пара Схоляруму: есть раненый, требуется медпомощь. Либре.

Не произнося больше ни слова, возвращаемся к планеволусу. Нас всё ещё слушают и пишут, следовательно, нужно быть очень осторожными – даже более осторожными, чем при освобождении твари. Обсудить произошедшее и договориться возможности не имеем, но оба знаем, что сделали максимум для спасения этого существа и своей совести. А также знаем, что в Схоляруме венатеров нас ждёт консилус и новые предупреждения. Если вообще в Венатерум не вызовут, так что наш Интродуктус может оказаться под вопросом...

Хотя...

Куда он денется?! В фертилесы нас всё равно переведут, а вот хорошие рекомендации мы явно уже не получим.

Замечательный последний диас подготовки, чтоб его!

В планеволусе сдаю напарника на осмотр.

– В ловушке 408 обнаружили самку твари, – докладываю не только для медера, но и для фиксации в Схоляруме. – Рэй 02-05331 попытался изъять, но она оказалась очень проворной: схватила его за горло, чуть не задушила, а потом удрала. Обезвредить не удалось.

– Шестая пара Схоляруму, – слышу в ауресе, – чисто. Либре.

– Третья пара Схоляруму: возвращаемся. Либре.

– Пятая пара Схоляруму: у нас добыча...

Сердце замирает – неужели самку всё-таки поймали, и мы напрасно подставились?

Пока Рэя осматривают, я нервничаю и мечусь из стороны в сторону, словно зверь в клетке. По пактусу, если приходится торчать возле планеволуса, а не бегать по лесам, то необходимо охранять аппарат и авитеров вместе с выполняющими данный труд милитерами. Не выпускаю из рук сагмит. Брожу в ожидании, когда остальные вернутся с периметра, и прокручиваю в голове фразы, которыми буду оправдываться на консилусе.

Тутеров собирается всё больше, но все они пусты.

Затем появляются тресы из пятой пары, а за ними на электропроводе плетётся худой дамнарес – с виду совсем молодой самец, едва вступивший в возраст фертилуса. Его щиколотку украшает такой же след от петли, как и у самки, бёдра покрывает намотанный кусок шкуры, а сзади безвольно болтается обрубок хвоста, из которого сочится кровь. Наверное, тоже пытался кого-то схватить...

Мы с Рэем переглядываемся. В глазах – облегчение, что это не наша тварь, перемешанное с горечью, ведь данному экземпляру не повезло.

Следом идёт схоляриус Яс 02-09733, держит тварь на прицеле и кидает на нас раздражённый взгляд:

– Вы двое, готовьтесь к разговору!

Я судорожно вздыхаю. Если наши показания не совпадут (а они не совпадут, поскольку мы не индомесы и мысли читать не умеем) – у нас будут большие неприятности. Но краткая версия озвучена. Дальше каждый сам за себя и говорить будет тоже о себе: что видел, что

слышал, что сделал, не давая оценки и не предполагая – так окажется меньше рознящейся информации.

Об этом тоже условились давно.

Странно, но с завидной регулярностью мы с Рэем оказываемся в паре. Помогает ли везение, или в системе существует заикливание – не знаю, однако выгоду вижу. В первую очередь для себя. Рэй может трудиться с кем угодно, а вот у меня с этим проблемы, и наличие постоянного напарника сильно помогает. У нас даже есть собственный способ общения, созданный за цикласы учёбы, – условные слова и жесты, которые понимаем только мы и которые уже несколько раз здорово выручали при модуляции на агрумах. Вот и сей минас я вижу, как Рэй, устремив задумчивый взгляд под покров леса, но повернув голову в мою сторону, лёгким жестом проводит двумя пальцами по губам, словно смахивая насекомое или пыльцу – сигнус «Молчи».

Понятно, решил взять ответственность на себя! Вот же дебитес! Будто я ему позволю?!

Грузимся в планеволус и пускаемся в обратный путь. Всё, как на солепримасе, только теперь в клетке сидит самец дамнареса, и от этого каждому в ордисе становится не по себе. Никто уже не шутит и не смеётся. Хотя самец явно неагрессивен: не кидается на прутья, не рычит, а просто забился в угол и затравленно смотрит вниз потухшими, звериными глазами – всё равно схоляресы его боятся.

Пользуясь моментом, внимательно разглядываю существо.

Худые лапы по пропорциям ещё похожи на человеческие, только пальцы длиннее (на каждом по четыре сустава) и завершаются чёрными когтями. Тёмные волосы растрепались, видимо, от яростного сопротивления, а из надбровных дуг устремляются вперёд небольшие рога. Убери эти рога, убери красную кожу (хвост ему уже убрали), и самец будет выглядеть совсем как мы. Хотя кожу можно и оставить – это хороший защитный механизм. Когда мы мажемся мазью, то выглядим почти также, разве что никогда не обмазываемся с ног до головы, а наносим её лишь на лицо и кисти. Наши тела защищает униформа, шею – текстусы, глаза – очки. Мы обмотаны, укутаны, упакованы и всё равно страдаем от солнечного излучения, а дамнаресы ходят почти голые, и им нормально. Так может, они не деградировали, как утверждают гностеры? Может, их мутации – это новый виток эволюции?

Тогда получается, что индомесы – это финальный пункт, и со временем мы все станем такими же...

Неожиданно тварь поднимает глаза и смотрит прямо на меня. И я вижу осознанный взгляд наделённого интеллектом существа, которое просто не знает, как с нами общаться. В отличие от остальных схоляресов, я не считаю тварей дебитесами только потому, что они утратили способность говорить по-человечески. А почему, собственно, должны? Кто бы их учил? Может, если бы мы не пытались их, а общались с ними, со временем дамнаресы смогли бы заново освоить и речь. Ведь теоретически они всё ещё на это способны, по крайней мере, так сообщается в статьях гностеров...

– Приближаемся к Аркаму. Готовность десятков минасов, – звучит в аурусе голос авитера.

Тресы дружно припадают к смотровым отверстиям, дабы полюбоваться на гигантский, пронзающий небо апексум, называемый Таурумом. Раскрашенный багряными лучами заходящего солнца, он гордо возвышается над близлежащим ландшафтом и являет собой поистине завораживающее зрелище, от которого невозможно отвести взгляд. Однако на поверхности виднеется лишь крошечная часть, а основная масса урбума – спасительный бункер, укрывавший наших предков на протяжении сотни цикласов – находится под землёй.

Затем под днищем проплывает сектрум тутеров. Следуем напрямую в домиум авитеров, где уже приземлились два планеволуса. Ещё три пока не прибыли. Тресы с радостными воплями выгружаются из аппарата, передают тварь представляющим гностеров эксплорам, а затем

отправляются в дивидериум Схолярума, чтобы сдать амуницию, и далее в пунктум эдеров – прежде чем вернуться в свои парциумы, нужно подкрепиться и привести себя в должный вид.

Но не мы.

Мы следуем за схоляриусом на консилус, где предстоит дать объяснения, а остальное потом. Эта процедура не так страшна и уже стала привычной – схоляресы, как и фертилесы, проходят её при любом нарушении, ведь никто не вынесет предписания и предупреждения, не выслушав все стороны. Раздражает только, что сей диас из двух сотен, восьми десятков и восьми схоляресов неприятность случилась лишь с нами. Но ещё не солефинас – будем ждать оставшиеся планеволусы...

Отдаём оружие визерам, заходим в секциум и встаём перед схоляриусами, венатерами и протерами – это стандартный ордис консилуса (бене, хоть лексеров привлекать не стали, значит, инсуларус не грозит). Объясняем, а собравшиеся дотошно фиксируют наши слова и наше поведение. Периодически на скринусе прокручивают кадры с записывающих устройств, которые приходится комментировать. Действия выглядят вполне приемлемыми, обоснования – логичными, показания – не противоречивыми, и единственная очевидная промашка выявляется в том, что Рэй не обездвигил тварь, прежде чем разомкнуть петлю. Что ж, это человеческий фактор – некомпетентные действия не самого компетентного треса...

– На этом можно завершить, – выдаёт лоциус консилуса. – Схоляресы дали достаточно пояснений.

Я незаметно выдыхаю, радуясь, что пытка осталась позади, однако её результаты пока не ясны...

– Тутер Рэй 02-05331, очередное предупреждение, – объявляет протер. – Думаю, ты понимаешь, что на должный труд в катервисе венатеров можешь не рассчитывать.

– Понимаю, – не моргнув, отвечает Рэй.

– Тутер Мира 02-07907, тоже предупреждение. Комплите!

1.2. Мира

Диас 17, лунас 06, циклас 733 от ГЭ

Я – Мира из кластиса тутеров, новес номер 02-07907 в едином реестре записи новесов урбума Аркама, тре филес совмещённого генома одинокой матрес Цей 02-02322, меньший сиблес Орина 02-08462 и Брая 02-03340, схолярес тре либеллуса в Схоляруме венатеров. Моя жизнь началась два десятка и четыре цикласа назад – диас 31, лунас 05, циклас 709 от Гранде Эксцисуса, и после Интродуктуса тутеров, который пройдёт через два диаса, я стану фертилесом. За плечами десяток и девять цикласов в Схолярумах всех катервисов тутеров, впереди – труд фертилеса, и от того, что я выберу, зависит моя дальнейшая жизнь.

Я сижу в схоляриуме.

Тишина. Слышно только, как гулко щёлкает хронус, отмеряющий время. Беготня по агрумам, осмотры периметров, экситусы в леса – всё это осталось позади – сей диас мы проходим итоговое тестирование. Я неспешно кручу свой планус в руках, поскольку давно ответила на все вопросы и теперь откровенно скучаю. Но сдавать его не тороплюсь. Во-первых, настолько быстро выполнять задания – это ненормально. Обязательно возникнет вопрос, а не скачала ли я результаты. Во-вторых, покинуть схоляриум всё равно не позволят, и мне придётся также ожидать сигнала, но уже с отметкой о подозрении.

Украдкой посматриваю в сторону, где сидит Рэй и с выступившими на лбу каплями пота напряжённо сжимает свой планус. Он так сосредоточен, что, кажется, сей хорас расплавит взглядом тонкий пластик скринуса и прожёт дыру до самого пола. Желая ему помочь, слегка щёлкаю языком, имитируя звук хронуса – это тоже наш условный сигнал. Рэй замечает и едва поворачивает лицо, а я вздёргиваю подбородок, как бы спрашивая: «Что случилось?». Наши движения практически незаметны, мы следим друг за другом боковым зрением, стараясь не упускать из виду схоляриуса, расхаживающую между рядами схоляресов. Рэй небрежно выкладывает на стол сначала два пальца, затем три. Ясно, вопрос номер 23. О, сие! Я его помню – он относится к физиологии дамнаресов и даже меня заставил задуматься. Показываю цифру два, означающую второй вариант ответа...

– Тутер Мира! Что-то случилось? – неожиданно спрашивает схоляриус.

Я вздрагиваю. Должно быть, я слишком сильно повернула голову, а это запрещено.

– Я завершила! – громко сообщаю, поднимаюсь и вытягиваюсь по линуму.

Схоляриус делает приглашающий жест.

Я подхожу и протягиваю свой планус.

– Вернись на место... – недоверчиво разрешает она. – Подожди! Ты не нажала «Завершить».

– Пардоне!

Я подаюсь вперёд и нажимаю пункт прямо у неё в руках. Затем возвращаюсь за свой стол, опускаю ладони на металлическую поверхность и замираю в ожидании сигнала, до которого ещё два десятка миначов. Спокойно наблюдаю, как схоляриус бегло просматривает мои ответы, но не обнаруживает ни одного красного индикатора, поджимает губы и небрежно откладывает планус в сторону.

Ошибки отсутствуют – я знаю.

Только от этого не легче.

Будь я настолько же сильна физически, насколько сильна в теории, могла бы стать их любимицей, однако я слаба. Кроссы по стриумам и долгие экситусы по пересечённо-заросшей местности мне не даются – слишком быстро выдыхаюсь. Вождение различных видов транспорта – тоже. Как объяснили медеры после очередного обязательного осмотра, скорость проведения нейроимпульсов у меня запаздывает. Другими словами – мой мозг слишком долго

просчитывает и оценивает ситуацию. А ещё другими – я заторможенная. Что странно, ведь отдать сигнал на выстрел и попасть в цель, толком даже не прицеливаясь, я почему-то могу. Или выбраться из нестандартной ситуации, которую сама же устроила. Например, один раз я чуть не разбила планеволус...

Ну... Что значит – чуть не разбила?

Не разбила же!

Запутавшись в кнопках и индикаторах, нажала что-то не то, и ни я, ни сидевший рядом схоляриус авитеров не успели ничего понять, как машина на гиперскорости стремительно понеслась к земле. Спасло нас буквально чудо. Точнее, та самая реакция мозга, которую я называю интуицией, а медеры – внесистемным анализированием. Просто в случайный и, как оказалось, единственно верный момент я умудрилась вывернуть штурвал в положение, которое позволило планеволусу не только выровняться относительно поверхности, но и протиснуться в расщелину меж приближающихся скал, а схоляриусу – разобраться с проблемой и отобрать у меня контроль. Естественно, по данной дисциплине я получила самый низкий балл, хотя фактически спасла не только технику, но и наши жизни.

Зато я сносно читаю следы (с Рэем, разумеется, не сравнюсь – с ним никто не сравнится), а в стрельбе из любого вида оружия получаю только сотни. Многие советуют идти в сагитеры, ведь там я могла бы достичь даже большего, чем Брай, однако, кроме этого, в милитерах мне делать нечего. Несомненно, у них полезный труд, но для меня будет скучным, поскольку я жажду знаний. Проблема в том, что я принадлежу тутерам, а тутерам гностеры особо не нужны.

Хотя...

Это по агрумам бегают сильные, а в Протеруме трудятся умные, так что единственная приемлемая для меня перспектива – попасть в Протерум. Достаточно ли я умна для такого труда? Вот моя матрес Цея и Орин – достаточно. А Брай, пусть и не дебитес, выбрал силу.

Рэй же – другое дело. Он идеальный милитер: сильный, молниеносный, не строит долгих умозаключений, управляет всем, что способно ездить и летать, и, наверное, лучший кваер в Аркаме. Единственный минус – он недисциплинированный, чем часто раздражает схоляриусов и очень напоминает Брая. Результаты по теории у Рэя средние или чуть ниже средних – опять же, пресловутая недисциплинированность мешает. Он наверняка ответил на основные вопросы, и остались только самые сложные, которые, судя по напряжённым лицам тресов, всех поставили в затруднение.

Но амес справится, я в этом уверена.

Просто он не уверен.

Раздаётся финальный сигнал, однако никто не срывается с места – уходить нам ещё не разрешили. Даже шевелиться ещё не разрешили. Мы не должны ничего трогать по истечении времени тестирования, чтобы не менять результаты, потому молча сидим, положив руки на столы, и ждём. Схоляриус неспешно проходит с тележкой между рядами, собирает и складывает планусы, на каждом нажимая «Завершить», если схолярес не успел сделать это самостоятельно. Потом возвращается обратно и произносит: «Либре».

Всё.

Итоговый тест завершён.

Обучение в Схоляруме венатеров завершено.

Обучение на тре либеллусе завершено.

Теперь компьютер суммирует наши результаты с результатами тестов и заданий в остальных Схолярумах, просчитывает информацию, учтёт характеристики, проанализирует данные за все предыдущие цикласы и выдаст рекомендации по распределению. Но от нас уже ничего не зависит. Мы поднимаемся, выстраиваемся в линию и, стараясь скрыть своё нетерпение, спокойно выходим из схоляриума. А далее мгновенно перемешиваемся и радостной гурьбой движемся в сторону эдериума.

Как обычно бывает, меня быстро оттесняют к самому краю. Я не сопротивляюсь и замедляю шаг, пропуская разгорячённых схоляресов вперёд. Но тут появляется Рэй и с размаху хлопает по плечу, от чего я едва не влетаю в стену.

Чтоб его, я же всё-таки малес!

Жаль, он не замечает...

Многие говорят, что мы неплохо посмотримся вместе, и невольно я тоже начинаю об этом задумываться. Теоретически, сразу после Интродуктуса, когда нас зафиксируют в статусе фертилесов, мы сможем создавать келлисы. Некоторые пары уже образовались и с нетерпением ждут заветного диаса, а я так торопиться не собираюсь. В перспективе – сие. То есть – возможно. Не уверена, что растить филесов мне подходит, но данный облигатус необходимо исполнять, дабы численность новесов не снижалась. К тому же, кроме Рэя, кандидатов у меня не имеется, так что...

– Ты спасла мою шкуру! – взбудораженно восклицает он.

– Всегда рада...

Я кривлюсь и потираю ушибленное плечо, невербально вселяя в него чувство вины.

– Пардоне, – с невинным видом улыбается амес, однако мутно-зелёные глаза хитро блещут, и какое-либо раскаяние в них напрочь отсутствует.

– Ответил на все пункты?

– Ну... Я пропустил несколько. Кажется, потом доделал. А может, и не доделал...

– Рэй! – укоризненно качаю я головой.

– Бене! Всё равно я в Протерум не собираюсь!

Мы заходим в эдериум, помещаем ладони в отверстия по обеим сторонам портала, и на них брызгает дезинфицирующая жидкость. Я делаю моющие движения, чтобы покрыть всю поверхность кожи и ускорить испарение, а Рэй просто потирает ладони и стряхивает остатки на пол. Затем мы проходим сканирование ИЦК, встаём в линию на раздачу и медленно движемся, наблюдая за постепенным наполнением разносов. Каждый эдер, или выполняющий труд эдера схолярес из тутеров, ставит в свою секцию определённый продукт: кто ёмкость с супом, кто напиток, кто порционные овощи, кто сладости – и к завершению конвейера наши разносы заполнены на сотню процентов.

Берём их за ручки и следуем к своим местам.

Обычно за каждым схоляресом закреплено индивидуальное место на протяжении всех цикласов учёбы, но бывают исключения. Когда мы перешли на де либеллус, и мои соратники уже достаточно надо мной поиздевались, стол Рэя неожиданно сломался – фактически конструкция, представляющая собой кусок металла, невероятным образом согнулась пополам. По новой схеме рассадки Рэй попал на пустующее место за наш стол. Где и остался.

Этот тощий, нескладный схолярес с огромной головой на тонкой, словно палочка, шее, но с заразительным смехом и красивыми приглушённо-зелёными глазами мгновенно всех обаял. А ещё он заговорил со мной, чего я совершенно не ожидала. Как бы я ни старалась отмолчаться, ему приходилось отвечать. Сначала я бурчала в ответ что-то бессвязное и краснела, вызывая у остальных приступы смеха. Потом думала, что Рэй специально пытался поставить меня в неловкое положение, дабы повеселить остальных, тихо его ненавидела, огрызалась и пробовала всячески избегать. Но, как ни странно, он не унимался и лип всё сильнее. В схоляриумах будто специально оказывался рядом со мной и смешил, пока схоляриусы отворачивались, за что часто получал настоящие предупреждения. Затем нас поставили в один ордис, и мы даже эффективно потрудились в паре. Так случилось ещё и ещё, пока, постепенно и незаметно, он не стал моим единственным амесом. Почему-то Рэй относился ко мне не так, как другие схоляресы, а на предупреждения, что над ним тоже начнут смеяться, отмахивался и гордо сообщал, что тогда станет вдвойне веселее.

– Твой тест как всегда идеален? – не спрашивает, а утверждает Рэй.

Я лишь пожимаю плечами.

Я не заучка – я просто сносно запоминаю информацию, особенно интересную лично мне. И неожиданно в труде венатеров такой информации оказалось достаточно много, начиная с биологического и биохимического разнообразия экосистем Иновы, которые в основном изучают гностеры-биологи, завершая физиологией дамнаресов и индомесов. Простыми словами – информации, касающейся выживания в красных лесах. Не того выживания, когда на своих двоих нужно убежать от горного тайреса, к чему нас упорно готовили на агрумах, а того, когда необходимо применить знания, навыки или сообразительность, чтобы не умереть от солнечной радиации, голода или обезвоживания. При этом арифметические вычисления пунктумов мне никак не давались, а инженерные подсчёты для обеспечения связи вообще казались бесполезными. Нам не с кем связываться, кроме Аркама! Но, поскольку данные дисциплины тоже пришлось осваивать, я нашла собственный способ. Я поняла, что цифрами оперировать проще, если они находятся перед глазами (в большей степени у меня задействован зрительный анализатор), и стала мысленно представлять их, словно на скринусе.

Помогло!

Нам вообще приходится осваивать многое, чего другие кластисы не касаются. Например, эдеры никогда не будут строить виусы, а медеры – водить планеволусы. Тутеров же учат всему понемногу: и руководить, и водить, и строить, и готовить, и вычислять, и лечить. Не учат разве что специфике труда гностеров, поскольку для выживания вряд ли понадобится разливать по пробиркам разноцветные жидкости или выделять ген, отвечающий за красный цвет кожи. Зато построить убежище, починить униформу или приготовить еду из съедобных биологических объектов, которые ещё нужно найти, может очень даже понадобится.

Помню, как я трудилась на конвейере по производству жидкой пищи в эдериуме милитеров. Отмеряла ингредиенты, загружала в аппарат, следила за температурой варки и, видимо, что-то перепутала, поскольку суп получился сладким. Его разлили по ёмкостям и раздали новесам, но все съели, и никто даже не скривился, ведь подобное поведение у нас не принято. Зато, когда готовила в экситусе – варила по-настоящему, на открытом огне, – от моего супа все были в восторге. Даже самые противные доставалы признали, что он был «Съедобный», а это высшая похвала схоляресу, которого они глубоко и уверенно ненавидели. Тогда я сама вызвалась готовить, поскольку данный труд был предпочтительнее обустройства лагеря и общения с остальными. Рэй, разумеется, вызвался вместе со мной, но эдер из него ужасный, потому пришлось сразу и безоговорочно его отстранить. В результате амес развалился в тени поме арбеса и болтал, болтал, болтал, рассуждая об эквесках, табуны которых проносились по дальним равнинам, когда наш планеволус заходил на пунктум. А я слушала, слушала, слушала...

И трудилась.

Вместо приёма пищи Рэй снова болтает, шутит и обсуждает, как схоляриус важно курсировала между столами. А я снова молчу. Иногда улыбаюсь, киваю или говорю: «Сие». «Ноне» отвечаю редко, ведь, если с кем-то не соглашаешься, то приходится объяснять или отстаивать свою позицию. Спорить я не люблю. Рассказывать что-то в присутствии многих людей не люблю тем более – я чувствую себя, словно дебитес, и произношу совсем не то, что хочу сказать. Рэй знает это и особо не лезет – с ним мы можем пообщаться и позже. А остальным на меня, мягко говоря, плевать, потому в их разговоре я присутствую лишь формально.

Задумчиво разглядываю свой разнос. Сей диас нам дали суп из жёлтой фасоли, запеканку с мясной прослойкой, три мелких томата, пучок съедобных листьев, шесть хлебных булочек, сладкий травяной чай и порционный мармелад. Вся пища тщательно запаяна в пластик и металл, каждая ёмкость находится в своём секторе, притянута магнитом, приборы также примагничены, и некоторые схоляресы развлекаются, цепляя их на боковую сторону разносов. Мои ападесы едят всё одновременно, распечатав сразу все ёмкости. Я ем поочерёдно. Ёмкость с супом уже пуста, хлебные булочки тоже уже во мне. Они крошечные, буквально на один кус,

и делает их хлебный автомат, иначе сколько было бы мороки. Однако мне знакомо понятие «Каравай» – общий хлеб, который выпекается большой буханкой и делится на всех. Почему бы нашим эдерам так не поступать, суп ведь не варят каждому отдельно?

Поглощённая этими мыслями, я поднимаю и отпускаю пустую ёмкость, а магнит исправно притягивает её обратно. Поднимаю и отпускаю, поднимаю и отпускаю...

– Мира, остановись, – говорит Рэй и кладёт свою руку поверх моей.

Я и не заметила, что ападесы по столу давно молчат, от размеренных звякающих звуков скрежещут зубами и гневно на меня поглядывают.

– Зачем намагничены разносы? – вместо извинений спрашиваю я.

– Не знаю, – пожимает плечами синеглазый Ксей 02-05898. – Может, чтобы ничего не упало, если начнётся драка? Никогда не думал об этом.

– Точно, так драться удобнее! Можно шибануть Миру по башке и не потерять свою порцию! – подхватывает Нубира 02-9507 – тёмная, очень тёмная малес (цвета пряного кекса, который иногда дают в веспас), с худощавым лицом и пухлыми губами африканки.

– А столы?

Я вытаскиваю ёмкость и отпускаю под крышкой стола. Ничего не падает.

– Подержи, – прошу Рэя и протягиваю свой разнос, перевернув его вверх дном.

Отсоединяю и отпускаю ёмкость – её по-прежнему притягивает.

– Ну разумеется! – закатывает глаза Вега. – Это чтобы ты могла принять пищу вверх ногами!

– Мира изобрела новый способ питаться! – зло радуется Стин. – Наградить Миру!

Увлечённые новой шуткой, они громко смеются. Я же слегка улыбаюсь, демонстрируя, что меня это не задело, забираю у Рэя разнос и фиксирую перед собой, где ему и следует находиться.

– Бене, а хлеб? А мармелад? – весело, но без издёвки, спрашивает Рэй. – Они не намагничены.

Вместо ответа я поддеваю пальцем ремешок, перетянутый через край разноса, как бы намекая, что их можно зафиксировать здесь. Наверное, раньше так и делали, но теперь просто кладут сверху, чтобы не терять время на раздаче. Рэй с серьёзным видом кивает и подсовывает туда мармелад – он знает, что я люблю сласти, и часто делится своей порцией. Благодарю его широкой улыбкой и за подарок, и за поддержку.

– А меня никто не подкармливает! – фыркает Вега.

– Тебе вредно! – сообщает Стин и забирает её мармелад.

– Замолчи! – шипит она. – А то заставлю жрать вверх ногами!

Ападесы снова смеются, а я снова краснею и опускаю глаза. В прежние времена они дразнились бы ещё много лунасов, но через два диаса состоится церемония Интродуктуса, и я их больше не увижу.

Очень на это надеюсь.

«Вверх ногами... Вверх ногами...» – продолжает навязчиво крутиться в голове.

Взгляд скользит по затёртому покрытию пола и болтам в основании столов и сидений, заставляя непроизвольно нахмуриться. Разумеется, я видела их и раньше – все новесы знают, что мебель в Аркаме зафиксирована. Ещё на уне либеллусе нам объяснили, что это сделано для нашей безопасности, дабы никто не вздумал кидаться тяжёлыми предметами и никого не умертвил. Вроде были такие случаи. Но лично мне фиксирование не кажется удачным решением. Я бы, например, придвинулась чуть ближе, поскольку с моим ростом приходится прижиматься грудью к столу, и я ещё не самая низкая среди тресов. А многие унесы вообще принимают пищу стоя, поскольку с сидущек не дотягиваются.

Подобные неудобства и непродуманность раздражали и раздражают, но сей минас я вдруг смотрю на них другими глазами.

И мысленно переворачиваю эдериум.

Пол становится потолком. Потолок – полом. Привинченные столы остаются висеть, намагниченные разносы, приборы и закрытые ёмкости с провизией – тоже. Зато все схоляресы падают. Раздумывая, как бы не свалиться вместе с остальными, заглядываю под своё сиденье, где на разных уровнях располагаются несколько обычно не используемых подножек. Носками ботинок цепляюсь за одну из них. Вряд ли это поможет надолго, ведь потолок неминуемо притягивает к себе, но, по крайней мере, я не падаю сразу.

Интересная фантазия. Только зачем кому-то переворачивать урбум? Не проще ли пере- ставить предметы и продолжить относительно нормальное существование?..

Неожиданно раздаётся громкий смех Рэя, отчего я вздрагиваю и возвращаюсь к реальности: Аркам располагается, как прежде, все схоляресы сидят на своих местах, и никто не корчится от боли после внезапного падения.

Жаль.

Без особого энтузиазма завершаю приём пищи, молча беру разнос и направляюсь к сортировке. Там нервно выскребаю железяки и раскидываю их по контейнерам, не беспокоясь, что задерживаю линум или раздражаю кого-то звоном. В идеале вся пища должна быть съедена, но чаще остатки собирают в одну ёмкость ещё за столом, чтобы потом быстро слить в бак. Получившиеся отходы отвозят на факториум, где преобразуют в корм для животных или удобрение для растений, а ёмкости чистят, дезинфицируют, после чего эдеры наполняют их новой пищей, дабы накормить нас в следующий диас.

– Так ты их погнёшь.

Рядом возникает Рэй с разносом в руках. Я вижу, что не вся пища перекочевала в него, однако амес тоже пришёл выскребасть свои ёмкости.

– Ты не доел, – замечаю я. – Смеялся бы дальше с остальными!

– Брось! Не надо обижаться, – мило улыбается он.

– Я не обижаюсь. Десяток и девять цикласов не обижаюсь. Хвала Аркаму, скоро Интродуктус!

– Они дебитесы, что с них возьмёшь?

– Ты тоже дебитес!

– Уж я-то тебе плохого не желаю...

В ответ я фыркаю, изображая дамнареса, но нехотя признаю, что Рэй говорит верно.

– После солефинаса приходи на наше место, – тихо произносит он над самым моим ухом и с невозмутимым видом удаляется.

Мне же остаётся только проводить его озадаченным взглядом.

Как обычно, я не понимаю, зачем Рэй со мной общается. Вроде смеётся вместе с остальными, а на агрумах вообще откровенно издевается, при этом помогает, поддерживает и даже угощает мармеладом. Много раз я думала, что это очередная шутка, но вряд ли она продлилась бы так долго – пару лунасов, не более. А Рэй рядом десяток и три цикласа, и все эти цикласы я не понимаю.

Однако после Интродуктуса связь может оборваться не только с ненавистными мне схоляресами, но и с ним, и от осознания данного факта становится тоскливо. Аркам огромен, а труд фертилесов, бывает, разводит новесов по самым дальним уголкам урбума. Если бы Цея и Сандр не решились создать келлис сразу после церемонии, то, возможно, больше не встретились бы: трудились бы в разных пунктумах, ели бы в разных эдериумах, жили бы в разных парциумах на разных стациумах. И не было бы ни Орина, ни Брая, ни даже меня.

Подобное развитие событий может ожидать нас с Рэем. Хочу ли я этого? Ноне. Однако больше из соображений комфорта – с ним мне спокойно и привычно, а врождённая скованность не позволит обрести новых амесов. Достаточно ли таких рассуждений, чтобы создать

келлис? Не знаю. И не знаю, захочет ли Рэй. Вдруг я ему совсем не нравлюсь, и он относится ко мне, как к своей меньшей сиблес Арите.

Ей 17, она едва перешла на тре либеллус обучения и начинает познавать труд фертилесов. Арита сильно похожа на Рэя. У неё такие же тёмно-коричневые волосы, только мелко вьющиеся и потому очень пышные (возможно, у Рэя они тоже вьются, но из-за короткой стрижки этого не заметно), и такие же мутно-зелёные глаза их патреса, только совсем циклумные и словно распахнутые от удивления. Зато по характеру она немного другая: мягкая, добрая, мечтательная, хотя тоже болтливая. А ещё она очень радуется, когда мы видимся – наверное, Арита единственная, с кем у меня хорошие отношения... С кем у меня вообще есть какие-либо отношения, кроме Рэя.

– Хватит висеть! – слышу недовольный голос Нубиры возле своего затылка.

– А? Сие...

Оборачиваюсь и вижу длинный линум схоляресов, терпеливо выжидающих, когда я отойду. Быстро кидаю последнюю ёмкость в контейнер, ставлю разнос на башню других разносов и спешу к выходу.

До парциума добираюсь, словно в тумане. Я физически устала, морально выдохлась и уже не могу совладать с потоком мыслей, переполняющих голову. А ведь скоро их станет ещё больше! Первым делом беру планус и просматриваю сообщения, но там пока пусто. Не удивительно, ведь с завершения тестирования прошёл всего хорас, а тресов в этом семециклесе почти три сотни. Даже сверхмощному компьютеру требуется время, чтобы конвертировать такой объём данных, плюс человеческий фактор – наши рекомендации состоят не только из сухих цифр, но и из заключений разных специалистов. Быстро набираю сообщение для Брая и отшвыриваю планус в сторону – мне предстоит долгое и мучительное ожидание.

Парциум пуст. Цея ещё на смене, Орин давно проживает не снами, а Брай после Интродуктуса обзавёлся собственным келлисом и собственным отдельным парциумом. Пытаясь скоротать время, я моюсь, причёсываюсь и привожу в порядок одежду. Я слишком напряжена, чтобы заниматься любимым делом, потому стараюсь занять руки. Когда же вся одежда починена, обувь отмыта, постели идеально заправлены, немногочисленные вещи разложены по местам, и заняться мне больше нечем, подхожу к металлическому зеркалу.

Помню, как я – маленькая, тощая и напуганная – смотрела на себя в пять цикласов, как волновалась и не хотела идти в Схолярум унесов. В принципе, не хотела обоснованно, поскольку все три либеллуса стали для меня настоящей пыткой.

Ненавижу схоляресов!

Ненавижу всех, кроме Рэя!

И Ариты!

Медленно выдыхаю, пытаюсь успокоиться и убедить себя, что всё уже завершилось. Самое неприятное осталось позади, а впереди – период фертилуса с более здравомыслящими новесами, которые не будут заниматься подобными дебитусами. К тому же за десять и девять цикласов я тоже сильно изменилась, став совсем другим человеком.

Окидываю себя внимательным взглядом.

На мне надет комплект из простой майки и шорт серого цвета – в них мы ходим в парциумах. А комплект для труда представляет собой штаны и куртку такого же серого цвета, и их носят абсолютно все новесы со времён скрывавшихся в бункере предков. Одежда различается лишь нашивками – циклумами с изображением сигнуса выбранного катервиса и цвета, соответствующего цвету исходного кластиса. Сей хорас на моей одежде находится красный циклум с простым квадрегонумом, означающий, что я схолярес тутеров, но после Интродуктуса его заменят.

Причёска тоже претерпит изменения. Жёсткие чёрные волосы свисают мокрыми сосульками и едва касаются плеч, поскольку схоляресам длиннее нельзя – это пактус. Позже у меня

будет больше истусов, но я знаю и вижу, что, например, малесы из венатеров и милитеров стригут волосы совсем коротко, подобно виресам, поскольку в экситусах так удобнее. А малесы протеров, находясь в терриумных условиях, позволяют себе большую длину, однако замысловатыми причёсками не увлекаются и просто собирают волосы в хвост либо заплетают обычные косы.

В схолярусе нам демонстрировали изображения людей прошлого с целыми полистациумными сооружениями на головах, которые украшались перьями, лентами, заколками либо причудливыми уборами, и заставляли высмеивать столь откровенную непрактичность. Только я почему-то не смеялась. Не спорю, что удобства это не добавляло, но, если протеры могут носить неудобные и длинные волосы, значит, только удобством дело не ограничивается. Может, малесы прошлого могли себе это позволить? Может, они не трудились? И если государства, как нам рассказывали, не заботились о своих гражданах, если каждый был вынужден сам себя кормить и материально обеспечивать, то как они выживали?

Несостыковки...

Приглаживаю волосы и запроляю за уши, чтобы сделать контур лица более чётким.

Я – типичный филес совмещённого генома. У меня средний рост, плотное телосложение, и чаще меня называют «Коренастой», нежели «Утончённой» или «Стройной». Кожа довольно смуглая – восточного, восьмого фототипа, что примерно посередине нашей неофициальной шкалы смуглости. Схоляриусы и генесы ругаются, когда мы её обсуждаем, но никого это не останавливает, и споры, какая кожа лучше, никак не утихают. С точки зрения гностеров и здравого рассудка, предпочтительнее иметь тёмную кожу. Зато у новесов, трудящихся под землёй, больше ценится светлая, и моя под их идеал точно не попадает. Помимо тёмной кожи и чёрных волос у меня очень чёрные глаза, зрачков в которых почти не видно. Они раскосые, азиатского типа, а при улыбке вообще превращаются в узкие щёлочки. Нос и губы, наоборот – большие и пухлые, более характерные для негроидной расы. А подбородок, на котором сей хорас темнеет тренировочный синяк, – узкий и заострённый, что вместе с высокими и широкими скулами создаёт трегонумную форму лица.

И таких, как я – миксесов, то есть смешанных филесов, – среди новесов очень много.

В замкнутом пространстве бункера изначальное географическое распространение перестало иметь какое-либо значение, и всё чаще пары создавались между представителями различных рас. Со временем, в масштабах популяциса, это привело к дрейфу генов – сглаживанию специфических черт и фиксации доминантных признаков. Люди (основное большинство) приобрели смуглый оттенок кожи, тёмный цвет глаз и волос, что является хорошим приобретением, поскольку под нещадными лучами палящего солнца именно количество меланина оказалось решающим фактором для выживания. Мы стали очень похожи друг на друга, объединили оптимальные признаки и перемешались, как овощи в однородном супе.

Разумеется, у новесов бывают и светлые глаза, и бледная кожа, и русые или даже рыжие волосы – то есть явные проявления изжившего себя генофонда. Однако подобные вариации чаще встречаются у первых естественных филесов, поскольку их геном контролируется мало. Официально рецессивные признаки не считаются браком, скорее, атавизмом, а с точки зрения генетики – малоэффективным адаптационным механизмом. Таких людей заочно считают «Слабыми». Они хуже адаптированы к агрессивной среде Иновы и чаще получают распределение во внутреннее обеспечение Аркама (зато сами себя считают уникальными и очень этим гордятся).

Казалось бы, данный подход к репродукции в объёме урбума может иметь лишь положительный эффект, но ноне. Жёсткая система стратификации фиксирует создание келлиса исключительно в пределах своего кластиса, и ни при каких обстоятельствах кластис нельзя покинуть или сменить. А это означает резкое сокращение генного разнообразия, что, в свою очередь, влечёт накопление и усиление дефектов.

Что же сделали калидеры, дабы избежать конвертации и инволюции?

Во-первых, в целях поддержания баланса партус-мортус был введён контроль рождаемости, изначально обусловленный ограниченным пространством и ресурсами. При благоприятных условиях паре разрешается завести одного совместного естественного филеса и до двух искусственных, на каждого из которых необходимо получить соответствующее разрешение.

Во-вторых, для искусственных филесов прибегают к совмещению генома. То есть материал одного из генесов в келлисе скрещивается с донорским материалом представителей других кластисов. В исключительных случаях (выявление генетического отклонения или невозможность предоставления собственного материала) весь материал может являться донорским.

В-третьих, ещё до ядерной катастрофы был создан генетический резерв, который хранится в особых сегментумах и используется теперь. Никто не мог со стопроцентной уверенностью сказать, как радиация повлияет на людей в стенах бункера или после выхода на поверхность, потому данная «Чистая» база стала нашей гарантией сохранности и обеспечила необходимое разнообразие.

И в-четвёртых, производилась и производится постепенная корректировка. Данный труд очень тонкий, ответственный и связан с большими рисками. Официально гностеры тщательно отбирают, отшлифовывают и вычищают геном искусственных филесов селекционными методами, дабы с каждым новым поколением новесы получали всё больше необходимых универсальных свойств. А неофициально поговаривают, что нам проводят генную модификацию, дабы искусственно приспособить к новым условиям обитания. Ведь пока мы сильно уступаем в этом любому организму, чья эволюция идёт путём спонтанных мутаций.

Стоит ли отдаться природе и пустить данный процесс на самотёк? Гностеры однозначно считают, что ноне, поскольку неизвестность внушает им ужас и трепет. Зато от многих схоляресов я слышала, что они непрочь отрастить хвосты...

В абсолютной тишине неожиданно громко щёлкает хронус, обозначая хорас приёма пищи и отвлекая меня от раздумий. Поспешно натягиваю штаны и куртку, поднимаюсь в эдериум и сажусь за пустой стол. Смена уже завершилась, сегментиум начинает наполняться возвращающимися тутерами, но Цеи среди них не будет. Обычно она задерживается на один или пару хорасов, за что получает дополнительный свободный диас в лунасе, потому её не жду. В одиночестве быстро проглатываю свою порцию и также в одиночестве возвращаюсь в парциум.

Вот теперь пора.

Из реестра разрешённой свободной деятельности Цея выбрала рисование, запросила соответствующее ресурсное обеспечение, только к краскам притрагивается редко. Несколько натянутых на квадрегонумные рамы полотна стоят возле стены. На них – бордовое закатное небо и красные леса Иновы, а на одном, едва начатом, виднеется край речного Энергума. Это то, что матрес видит с внешней стены, но, поскольку основной её труд проходит в Протеруме, под землёй, а длительное пребывание даже под закатным солнцем опасно, новых полотен не прибавляется уже давно.

Что ж, тогда немного краски потрачу я.

Беру банку самой тёмной и тщательно замазываю светоотражающие элементы на своей одежде. Светиться, когда делаешь что-то не совсем запрещённое, но официально как бы не разрешённое, не хочется. Знаю, что записывающие устройства в урбуме видят каждое движение, сканеры ИЦК отслеживают каждое перемещение, но по-настоящему за мной начнут следить, если произойдёт какое-либо нарушение. А я, то есть мы ничего такого не планируем.

Завершив, прячу банку обратно в ящик, снимаю с предплечья портативный планус и покидаю парциум. Следую по уже опустевшим переходам к выходу из жилого сегментиума, параллельно и незаметно осматривая их на наличие муриусов (или, как мы их называем, – крысиусов), которые могут испортить всё веселье. Но таковых пока не наблюдается.

Вскоре среди немногочисленных тутеров, наполняющих верхний стадиум, замечаю темноволосого виреса, расхлябано прислонившегося к стене мощным плечом и возвышающегося над остальными на целую голову. Он и по ширине здесь всех превосходит, вызывая невольную оторопь у проходящих мимо новесов. Я же приближаюсь уверенно и буквально запрыгиваю на него.

– Рада тебя видеть! – кричу я.

– Аве, сиблес! – восклицает Брай и улыбается во весь рот.

Улыбка у него странная, хоть и привлекательная. Губы крутоизогнуты и очертаниями напоминают сигнус экстрактеров. Лицо красивое, но будто вдавлено по центру неведомой силой: скулы заметно выступают вперёд, угловатая челюсть – тоже, а раздвоенный подбородок замыкает чёткий квадрегонум. Нос – мелкий и узкий. Глаза – глубоко утоплены в череп и насмешливо выглядывают из-под нависших надбровных дуг. Они чем-то похожи на мои – также превращаются в щёлочки, но имеют серый цвет, как у Цеи и Сандра, а не чёрный, как у меня. В целом, во внешности Брая крайне мало признаков смешанных генов, наверное, из-за того, что донор был европейского типа, хотя кожа имеет стандартный тёмный оттенок. То есть по фототипу Брай – тёмный европеец!

После полного трудового диаса сиблес должен выглядеть уставшим, но сей хорас ничего в его облике не выдаёт даже намёка на усталость – он свеж и полон сил. Словно в подтверждение, Брай легко, точно пушинку, хватает меня за талию и поднимает в воздух – ещё бы, ведь я вдвое меньше и стройнее, чем он! Однако неугомонные филесы за ночас обязательно подкорректируют это состояние.

– Давно не виделись! – восклицает Брай, возвращая меня обратно на пол.

– Сие, с того диаса, как ты получил по шее! – смеюсь я, и мы вместе идём к выходу. – Граце, что согласился помочь.

– Обращайся! Я всегда готов сделать что-нибудь безбашенное, тем более для твоей будущей пары, – ехидно улыбается он и подмигивает.

– Рэй – не моя пара! – возмущаюсь я.

– Запомни мои слова, сиблес: вас точно ждёт совместное будущее. Просто ты этого ещё не поняла.

– Брось! Как твой келлис? – спрашиваю я, дабы сменить тему.

– Отлично! Бала красавица, а Метра и Мерит скоро станут красавицами, совсем как ты!

От его слов мне очень приятно, но улыбаюсь я грустно.

Не могу представить, что две милейшие обладательницы самых пухлых щёчек в Аркаме и светлых глаз Цеи будут носиться по агрумам с тренировочным оружием в руках. Это какая-то неумная и несмешная шутка, однако реализуется совсем скоро – через семелунас Метре и Мерит исполнится 4, а значит, ещё через циклас обе пойдут в схоляресы.

Филесы Брая одного возраста, поскольку являются близнецами. Такое редко, но случается – после процедуры репродукции эмбрион разделяется один или два раза, и вместо одного разрешённого филеса на свет появляются сразу несколько. В основном естественные, ведь для искусственных данный процесс контролируется на стадии пробирки, хотя и там бывают исключения. Но самое главное – пара сохраняет истус на последующие разрешения, то есть может сделать свой келлис несколько обширнее стандартного.

– Ну что, готова? – спрашивает Брай.

В ответ я просто киваю.

Мы подходим к ряду сканеров и одновременно прикладываем цифровые браслеты, чтобы писк датчиков слился в единый. Затем Брай первым покидает урбум и сразу направляется к охраняющему вход визеру. Гиперобщительный, сиблес знает практически всех в нашем сегментуме и быстро находит, чем разговорить этого виреса, а я тем временем незаметно проскальзываю за их спинами. Разумеется, систему такие уловки не обманут, но внимание от моих

действий должны отвлечь. Хотя бы на человеческом уровне. А если не получится, то максимум, что мне грозит, – предупреждение, ведь без доказанного злого умысла ощутимых последствий это не повлечёт.

Агрессивное солнце уже закатилось за финитус, потому средства защиты не нужны, а небо ещё переливается розовым и даёт достаточно света, потому в осветительных приборах тоже отсутствует необходимость – идеальное время покинуть стены бункера и пройти без риска для здоровья. Только люди, кроме задействованных в непосредственном труде, ради безопасности предпочитают не выходить даже в веспас, и ариумы относительно пустуют.

Делаю вид, что гуляю, спокойным шагом дохожу до изгиба стены и ныряю в нишу с резервной лестницей. Быстро карабкаюсь на крышу и уже оттуда незаметно наблюдаю, как Брай прощается с визером. Знаю, что он тоже немного пройдёт, возможно, достигнет циклевиуса и вернётся в урбум, а я своей цели ещё не достигла. Стараясь не создавать лишнего шума, но при этом сохраняя уверенный вид, будто мне предписано здесь находиться, иду по крыше к Тауруму.

Это очень интересное место, расположенное в самом центре Аркама, где лишь несколько десятков шагов отделяет один сектрум от другого. По сути, Таурум является лифтовой шахтой, ведущей от бункера к нодусу Декларума и ретранслятору, поэтому диаметр его невелик, а переход на другую сторону занимает несколько минасов. С Рэем мы часто встречаемся на стороне сурвитеров, так как это единственный ариум, питаемый энергией после захода солнца. Ариум продуцеров тоже освещён, ведь факториумы функционируют полные сутки, но их свет замкнут в бетонных сооружениях, а здесь он переливается за полупрозрачными перекрытиями терриумов и создаёт шикарное зрелище.

Поднимаюсь на пятый стациум и делаю семециклум по ремонтному кольцу. Однако, дойдя до стороны сурвитеров, Рэя не обнаруживаю. Странно, он сам меня позвал, а значит, уже должен находиться здесь. Может, его задержали? Или отправили в инсулариум?..

– Рэй? – тихо зову я и осторожно продвигаюсь вперёд, осматривая стациум и крышу под ним – мало ли что.

Но на площадке тихо и пусто...

– Рэй... – повторяю я, начиная волноваться.

Вдруг чья-то тёплая ладонь ложится на лицо. Мне зажимают рот и тянут назад, а второй рукой ловко обездвиживают, но как-то очень осторожно, словно опасаясь причинить боль. Миглом вспоминаю всё, чему нас учили, бесшумно освобождаюсь от захвата и разворачиваюсь. В тусклом свете угасшего диаса вижу Рэя, который сдавленно мычит и хватается за ушибленное место.

Бене! Не так уж сильно я ударила, пожалев неуверенного нападающего!

– Чтоб тебя! – тихо ругаюсь и тихо выдыхаю, поскольку лишнего шума производить не стоит.

– Обучение Андры явно не прошло даром! – одновременно корчится и смеётся Рэй. – Вот и потренировались!

– Ты меня напугал! – восклицаю и в отместку пинаю его по ноге.

Пусть покорится ещё!

– Если бы хотел навредить, ты бы не выкрутилась!

Рэй хвастливо улыбается, садится прямо на площадку, хранящую тепло солнечного диаса, и свешивает ноги за редкое ограждение.

Никогда не понимала, зачем оно сделано таким. Ноне, что ограждение проходит по краю стациума, дабы ни один аксилер не свалился, – это понятно. Но для чего продолжается и с нижней части, будто они умеют ходить вверх ногами и могут упасть в небо, вот в чём вопрос. И сразу вспоминаются фантазии про перевёрнутый урбум – инженеры Аркама явно создали что-то странное...

– Выкрутилась бы, – не соглашаюсь я и сажусь рядом.

– Брось! Я выше, сильнее и лучше натренирован!

– У меня были нормальные отметки по борьбе...

– А у меня лучшие! И мы не дрались в паре! Хотя... Теперь это вряд ли поможет.

– Не переживай, ты не так уж и плох! – я ободряюще улыбаюсь. – Уверена, что тебе предложат достойный труд.

– Ноне, я безнадёжен! – то ли шутя, то ли серьёзно вздыхает Рэй. – Наверное, меня направят в визеры. Буду полный диас стоять с дисмитом и охранять один из неоткрывающихся входов...

– Для визера у тебя слишком много мозгов! А для дозора – наглости! Ты ведь не выдержишь и попытаешься вскрыть вход в первую же смену!

– Ради чего и получал предупреждения! – смеётся он. – С тех пор, как ты указала на эти сегментиумы, я не могу думать ни о чём другом. Жуть как хочется узнать, что за ними кроется или куда они ведут! А ты, разумеется, попадёшь в Протерум и сама всё узнаешь, так что смысла в моём нарушении не будет.

– Цея и Орин трудятся в Протеруме, но они не знают, – возражаю я.

– Или говорят, что не знают – это же секретная информация!

– Тогда зачем Орин пытался взломать запирающий датчик? Если бы знал, то не стал бы рисковать! Кстати, у него не получилось – очень сложная защита. И у тебя не получится.

– Значит, информация действительно секретная! – усмехается Рэй и добавляет с придыханием: – Вот Хиса точно знает, я в этом уверен. Новесы её статуса посвящены в самые секретные секреты...

Хиса 02-01996 – наш Тутериус, потому, возможно, данная информация ей действительно доступна. А ещё Рэй с ума сходит по этой жёсткой и очень умной малес возраста почти сенектус. Он буквально её боготворит и восхищается тем, каких высот можно достичь, начав путь фертилеса с самых низов протеров и завершив два десятка цикласов бессменным лоциусом всех тутеров и вторым по статусу человеком в Аркаме. Я тактично молчу, дабы не затронуть сакральные чувства амеса, а он, ещё раз мечтательно вздохнув, вдруг лезет под куртку.

– Смотри, что у меня есть.

И достаёт три тёмно-пурпурных плода помеса, зловеще поблескивающих в далёких отсветах ариума сурвитеров.

– Где ты их взял? – удивляюсь я, не припоминая, чтобы в последнее время нам давали помесы. – Выносить пищу из эдериума запрещено!

– Я не выносил, просто кое с кем поменялся, – и он тычет пальцем в сторону терриумов.

Один плод Рэй протягивает мне, второй держит в руке, а третий прячет обратно под куртку.

– Это для нашего амеса на входе, – поясняет он.

Молча жуём сладкие помесы и наблюдаем, как на небосводе появляются всё новые и новые звёзды, как полные луны начинают свой неспешный путь к зениту, и как им навстречу поднимается завораживающий, искусственный свет, столпами пронзающий тёмную высь. Этот свет, пробивающийся сквозь полупрозрачные перекрытия терриумов, давно стал неотъемлемой частью жизни новесов, помогая негенномодифицированным растениям развиваться и плодоносить даже в ночасы. Такова необходимость, поскольку урожай нам требуется постоянно. Гностеры создают различные ускорители роста и подкормки, инженеры придумывают специальные установки, вроде вертикальных полистациумных плантиумов, электеры обеспечивают непрерывное энергепитание, сурвитеры трудятся над оптимизацией сельскохозяйственных процессов, а для нас всё это – просто красивое зрелище. Каждый размышляет о своём, но у обоих перед глазами не столь отдалённое будущее. В смысле, не прямо перед глазами, поскольку сурвитерами нам не стать, но думаем мы о том, что произойдёт после Интродуктуса.

– Ты когда-нибудь задумывался, какой была бы наша жизнь без стратификатуса? – нарушаю я затянувшееся молчание.

– Не особо, – пожимает плечами Рэй. – Система кластисов приносит упорядоченность, и меня это устраивает.

– А мне кажется, она создаёт ограничения.

– Разумеется! Если бы её не было, все ринулись бы в куратеры, и никто не захотел бы трудиться терсером!

– Сие, но это же неверно! Некоторые очень умные новесы до сенектеса дряют системы отвода, при том, что сотню раз дебитесы сидят в куратерах!

– Благо, на одного дебитеса всегда найдётся сотня умных, компенсирующая столь вопиющую погрешность...

– Но разве можно с партуса кем-то являться?! – не унимаюсь я, игнорируя его сарказм. – Если генетический материал постоянно перемешивают, то никакой врождённой предрасположенности к конкретному виду труда быть не может! Сам посудите: медеры не могут быть абсолютно медерами, они всегда будут немного гностерами...

– Поэтому их катервисы относятся к одному кластису.

– Бене, пример неудачный. Ну а мы? Тутеры умеют всё! Более того – мы обязаны уметь всё, дабы замещать аркамесов на их месте труда.

– Обязаны. Но это не значит, что у нас есть предрасположенность абсолютно ко всему. Заменить терсеров не сложно, но инженеров или электеров – уже проблематично. А гностеры вообще отсутствуют в списке замещаемых – никакой тутер не сможет выполнять их труд.

– И я тоже? Если бы у меня имелись необходимые знания, думаешь, я бы не осилила? – смотрю на Рэя, но он молчит, поджав губы. – Орин как-то сказал, что из меня получился бы хороший гностер-биолог, – продолжаю я. – И не только Орин так считает.

– Сие... – всё-таки кивает амес. – Наверное, ты бы смогла... Но систему кластисов внедрили не просто так. Без жёсткого контроля и чёткого распределения обязанностей люди бы не выжили – поубивали бы друг друга, как это сделали предки во время Гранде Эксцисуса.

– То было актуально под землёй, – снова не соглашаюсь. – Мы вышли на поверхность шесть сотен цикласов назад. Разве нужно сохранять прежние устои?

– Если куратеры считают, что нужно, значит – нужно. Признай, система функционирует, она доказала свою стабильность и эффективность. Так зачем менять устоявшееся и действенное на неизвестное и неопределённое?

Теперь молчу я, опустив взгляд на крышу. Рэй декламирует всем известные аксиомы, но они мне не нравятся.

– В любом случае это решать не нам, – добавляет он после паузы.

– А ты бы что выбрал, если бы действительно мог выбирать? Не только из тутеров, а вообще из всех?

– Нас слишком мало учили остальному, – он пожимает плечами.

– Но больше, чем остальных быть нами.

– Наверное, я бы пошёл в бистеры. Животные такие забавные, особенно эти, лысые... С плоским носом...

– Порцесы, – подсказываю я.

– Точно, порцесы! Ну и визгу от них, когда пытаешься поймать! Кажется, мне бы это подошло. Я бы заботился, кормил...

– Вычищал отходы, а потом умерщвлял, – добавляю, усмехнувшись.

– Ноне, умерщвляют пусть в бистмортиумах. Я бы только выращивал. А ты?

– Я бы пошла в гностеры, – незамедлительно выдаю ответ.

– Как же иначе! – закатывает он глаза.

– Или в архиверы.

Но эта фраза вызывает у Рэя совсем другую реакцию – амес кривится, будто съел что-то невозможно кислое.

– Какая скучища!

– Мне всегда хотелось изучать наше наследие, а в Архиверуме собрано всё, что когда-либо знали и создавали люди. Столько информации! Это завораживает...

– Завораживает, насколько они были неумными, раз шарахнули бомбами, – не унимается Рэй.

И снова говорит верно. Предки довели взаимные конфликты до такой степени, что чуть не уничтожили целую планету. Мы никогда не оправимся от этой травмы и никогда не достигнем того уровня, которого достигли они, поскольку не только экосистемы, но и многие технологии и знания были утрачены навсегда. Хотя, возможно, оно к лучшему...

Грустно смотрю наверх, где ярко светят две полные луны, подобно двум гигантским фонарям нависнув над урбумом.

Двойное полнолуние происходит каждый десяток и четыре лунаса. Некоторые новесы считают, что данное явление предвещает время больших перемен, однако это всего лишь совпадение фаз естественного и искусственного спутника, обороты которых составляют три десятка и шесть против пяти десятков и шести диасов соответственно. И люди знали бы об этом, если бы чуть больше интересовались сохранившейся информацией о небесных телах и историей Земли.

Искусственный спутник-база Луна-2 был построен для изучения и освоения космоса, а также для вывода аппаратов в межзвёздное пространство, минуя гравитацию планеты. Но руководство мировых держав решило не по назначению использовать то, что первоначально создавалось во благо. Прикрываясь синтезом универсального топлива для космических полётов, а также обеспечением защиты от внешних угроз, спутник напичкали радиоактивными материалами, фактически сделав из него ядерный склад. Только какие угрозы имелись ввиду? Метеориты? Кометы? Или внеземные формы жизни? Эти вопросы начали задавать слишком поздно, когда Луна-2 уже превратилась в орудие устрашения неугодных стран. В ответ наземные формирования начали наращивать собственные ядерные мощности, и данный процесс, как ком грязи, накручивался и накапливался, пока кто-то не нажал на кнопку.

Именно с Луны-2 был произведён первый запуск, к которому затем подключились и земные базы. Все пальнули по всем. Кто-то пальнул по Луне-2, что повредило, но не уничтожило её, и бомбы продолжили сыпаться на Землю, подобно метеоритному дождю.

Выжил ли тот, кто активировал спусковой механизм? Был ли он одним из основателей Аркама, укрывшихся в стенах бункера, или погиб из-за своей недалёковидности?

Такое нам не рассказывали.

Зато рассказывали, что заброшенная Луна-2, являющая собой немое напоминание о совершённых ошибках, всё ещё содержит массу ядерного оружия и постепенно разрушается, превращаясь в отсроченную угрозу для существования планеты. Под воздействием гравитационных сил и космических тел от станции отделяются фрагменты, каждый из которых способен повторить прошлую катастрофу. Дивидеры, гностеры и куратеры отслеживают их, вычисляют траектории и прогнозируют пункты падения, а тутеры отправляют ордисы сагитеров для перехвата. На моей памяти такое произошло лишь один раз, но Орин и Брай наблюдали падение обломков дважды. И именно впечатление от увиденного в возрасте инфантуса подтолкнуло Брая пойти в сагитеры.

К сожалению, мы вынуждены действовать в пределах атмосферы и перехватывать обломки в последний момент, поскольку оружие, способное достичь орбиты и навсегда решить данную проблему, у нас отсутствует. Доступ в космос закрыт, технологии утрачены и забыты, а все стеллеволусы, когда-то поднимавшие людей к спутнику, уничтожены.

Но, наверное, третий труд, который бы я выбрала – труд стеллера.

Каждый раз, когда я обращаю лицо к тёмному или сияющему от солнечного ветра небу, я невольно завидую людям прошлого, ведь они могли преодолевать земное притяжение и пересекать межзвёздные пространства. Каждый раз, когда мы встаём на ночас в экситусе, я вызываюсь в дозор, поскольку спокойствие леса и россыпь мерцающих огоньков – вот всё, что мне нужно. И каждый раз, когда я смотрю на них, я думаю, насколько же далеко находятся эти звёзды, затерявшиеся в бескрайних просторах космоса. С поверхности Иновы их сиреневый свет выглядит мирным и безобидным, но на самом деле они представляют собой раскалённые до чудовищных температур гигантские сферы газа, выжигающие возле себя всё, как выжигает и наше светило...

– Предки летали к звёздам, так что вряд ли были неумными... – замечаю я. – Кроме бомб, они создавали стеллеволусы и целые луны...

– Которые теперь падают нам на головы, – сухо фыркает Рэй. – Космос – это зло.

– В том, что произошло, виноваты индивиды, а не хьюманис. Хьюманис стремился к прогрессу и на Земле, и за её пределами... Неужели тебе никогда не хотелось подняться настолько высоко, чтобы заглянуть в тёмную бездну?

– Думаю, там совсем не интересно, потому мы не возобновляем полёты.

– Не возобновляем, поскольку не имеем технологий. Пока.

– Считаешь, их будут реинкарнировать? Нам бы разобраться с дебитусом, который предки устроили на планете, а тут – звёзды...

– Но ведь можно изучать хотя бы теорию?!

– Тутерам она зачем? А сурвитерам? А аксилерам? Какой смысл изучать звёзды, если мы обречены жить и сдохнуть здесь? Но раз тебе хочется знать больше – есть информационная база.

– В общем доступе такие крупницы! Уверена, что основные данные сокрыты в Архиве-руме...

– А, я понял! Тебя влечёт не только наследие предков, но и эта информация... Ас... Аст...

– Астрономия, – снова подсказываю я.

– Где ты выудила это слово? – снова кривится Рэй.

– Наткнулась в одной статье. А в другой прочитала, что древние люди складывали звёзды в созвездия, как точки в геометрии, и каждый человек рождался под определённым рисунком, охранявшим его всю жизнь.

– Ересь! – фыркает Рэй. – Может, звёзды ещё говорили им, что делать?

– И это тоже, – киваю я. – А чем такой вариант плох? Все мы не вольны в своих решениях: им указывали звёзды, нам указывают люди. Мне вот, например, постоянно говорят создать с тобой келлис.

– Серьёзно?! А мне говорят: «Чего ты возишься с этой отшибленной?»

– Как мило! – резко спускаюсь со звёзд на землю.

Амес смеётся, но очень добродушно – на него даже обижаться не хочется. Собственно, тут не на что обижаться. Я и так знаю, что меня считают отшибленной, ведь за период схоляруса я ни с кем не смогла сблизиться, кроме Рэя...

– Может, действительно? – неожиданно выдаёт он. – Из нас бы получился образцовый келлис: ты – умная, я – смелый, а наши...

– Пора возвращаться, – прерываю неловкий разговор. – Сей хорас могут делать рассылку с рекомендациями, а мы торчим здесь.

– Ну и что? Увидим позже! У нас не менее важное будущее намечается! – и он наигранно толкает меня в бок.

Зря я это озвучила! Думала, посмеёмся вместе, только Рэй отреагировал серьезнее, чем предполагалось. Сие, внешне он сохраняет расслабленную невозмутимость и шутит, однако в глазах веселье отсутствует.

Или же в неярком свете лун мне просто так кажется.

– Пошли! – отдаю я ордус и решительно поднимаюсь с места.

Спускаемся уже вдвоём. На краю крыши амес зашвыривает оставшийся помес в кусты, чтобы отвлечь визера, быстро соскальзывает вниз по лестнице, и я соскальзываю следом.

– Встретимся в будущий веспас? – спрашивает Рэй в переходе урбума. – Небо будет сиять!

– Откуда ты знаешь?

– Чувствую. К тому же оно давно не сияло.

– Будущий веспас, как и диас, нужно размышлять об Интродуктусе. И желательно в одиночестве, – сухо парирую я.

– Бене, хотя вдвоём я размышляю лучше! Если передумаешь, дай знать!

И мы расходимся по разным стациумам.

Охваченная смешанными чувствами, я возвращаюсь в парциум, где застаю спящую Цею. Она приоткрывает один глаз, спрашивает: «Всё в норме?» – и, получив утвердительный ответ, переворачивается на другой бок.

Сей диас её смена завершилась поздно, а следующая начнётся очень рано, так что я стараюсь не мешать.

Первым делом беру в руки планус. Сообщений не обнаруживаю и, раздосадованная, отправляюсь оттирать краску с одежды – к солепримасу не должно остаться ни следа. После очистки вновь возвращаюсь к планусу – вновь ничего. Итоговое тестирование, напряжённое ожидание результатов, разговор с Рэем и в принципе весь этот длинный диас меня порядком утомили. Устало заваливаюсь на койку и захожу в доступную базу Архиверума, дабы поизучать... Ну, что-нибудь.

После труда у нас не так много времени на отдых и личные занятия – один хорас в манас и пара хорасов в веспас, а потом отбой и следующий диас. Кто-то рисует, как моя матрес Цея, кто-то музицирует, ведь звукоизоляция в парциумах довольно хорошая, кто-то занимается дополнительными упражнениями, хотя тутерам физической подготовки и так хватает, а кто-то экспериментирует с электроникой и создаёт инновационные механизмы, как Орин. Я же предпочитаю изучать: звёздные системы, экосистемы, флору и фауну, тварей и бестий – всё, что может понадобиться в дальнейшем труде или заинтересовать любопытный разум. Само собой, назвать это полноценным изучением сложно, ведь мне доступна только теория и только в разрешённых объёмах. Потрогать что-то руками и провести эксперименты в урбуме не могу физически, а в экситусах не имею времени, потому жадно разглядываю изображения, схемы, чертежи и читаю статьи, дабы хоть мысленно представить то, что не дано увидеть воочию.

Сей хорас я рассматриваю изображения Иновы после катастрофы: останки былой цивилизации, города в огне, разрушенные здания, выжженные пустынные пространства...

Помню, как на уне либеллусе я задала вопрос: «А кто сделал эти кадры, если люди прятались под землёй?»

Схоляриус немного замялась, но потом предположила, что их сделали дроны. Вполне логично. И вполне логично, что подобные развалины должны где-то существовать по сей диас. Однако, сколько бы арумов мы ни обследовали, как бы далеко ни заходили с экспедициями эксплоров, такого не встречали. Нам говорили, что практически все артефакты были уничтожены охватившими планету катаклизмами: взрывами, пожарами, сдвигами коры и, как следствие, землетрясениями и наводнениями.

Тогда я не выдержала и задала другой вопрос: «Если сдвигались даже материка, почему не разрушился Аркам?»

«Очень любопытная», – отметила схоляриус в моей характеристике и попросила больше не мешать ей вести занятие.

Итак, нам говорили, что поверхность долгое время пустовала, хотя вот на этом снимке, на заднем плане, я вижу сенектеса, склонившегося над чем-то. Возможно, это один из обитателей пещер, который покинул укрытие в поисках пищи – предок тварей. Или, возможно, его нарисовала моя фантазия, поскольку качество изображения плохое, объект не в фокусе, а при увеличении рассыпается цветными квадрегонумами. Так что по факту сенектес мог оказаться чем угодно: кустом, камнем или банальным мусором. Но на другом снимке я вижу что-то, похожее на канеса – существовали такие искусственно выведенные и прирученные вариации мелких люпесов, которые помогали людям в хозяйстве, охоте и труде. А на третьем – авеса...

Что ж, это не удивительно, ведь пожары и радиация уничтожили не всех живых существ. В самых дальних, нетронутых катаклизмами уголках планеты они вполне могли выжить и породить те самые виды, которые новесы не создавали...

Четвёртым этапом восстановления биосферы стало заселение фауной.

Задача была не из лёгких, поскольку существование живых организмов обусловлено сложными процессами взаимодействия в пищевых цепочках, которые оттачивались эволюцией на протяжении миллиардов лет. И убрав всего одно, казалось бы, незначительное звено, можно вызвать новую катастрофу с непредсказуемыми последствиями. Вот только не имели мы ни времени, ни возможностей совершать очередные ошибки и устранять их результаты. Следовало очень быстро создать идеально уравновешенный коктейль, где каждый организм не только приносил бы пользу, но и не причинял бы вред. Например, мы не могли допустить, чтобы столь необходимые фитофаги, не сдерживаемые естественными консументами, бесконтрольно расплодились и уничтожили едва восстановленную флору. При этом выращивать зоофагов было слишком рискованно и совсем не полезно ни для нас, ни для последующих урбумов. Гностерам приходилось тщательно продумывать каждый шаг и постепенно выпускать созданных гибридов в новый мир, ведь, чтобы представители старой фауны смогли жить в новой среде, их тоже пришлось немного модифицировать.

Но и здесь природа внесла собственные коррективы. Поедая изменённые растения, вдыхая изменённый воздух, находясь под изменившимся солнечным излучением и скрещиваясь с выжившими, мутировавшими организмами, наши генномодифицированные животные, насекомые, птицы и рыбы тоже менялись. Подобно тварям и бестиям, спустя сотни цикласов после Гранде Эксцисуса некоторые ещё напоминали виды из прошлого, а некоторые переродились в совершенно иные формы, и хищники появились самостоятельно...

Неожиданно, переключая остальные вкладки, на весь скринус высвечивается вкладка с сообщением из Протерума. Прислали рекомендации. Закрывать или свернуть нельзя, только открыть, потому я жму крупный красный пункт и погружаюсь в изучение своего возможного будущего.

И тут же удивлённо вскидываю брови.

Мне предложено два основных варианта: протеры и венатеры.

Сначала выбираю спиральный квадрегонум. Передо мной разворачивается реестр трудовых позиций, большинство из которых относится к Протеруму. Естественно, к самым низам. Система никогда не пропишет едва завершившему обучение схоляресу труд Протериуса и тем более Тутериуса – таких статусов новесы добиваются много цикласов, а получают единицы после избрания на всеобщем референдуме. Также имеются позиции в Схоляруме уне либеллуса, куда я хотела пойти, и в Схоляруме протеров. Варианты кажутся привлекательными, но торопиться не стоит, ведь сей минас решения от меня никто не требует.

Ещё раз пробегаю глазами по строчкам, а затем открываю квадрегонум с крюками. И хоть изначально данная рекомендация меня удивила, позиции оказываются ожидаемыми: труд

в Венатеруме, в Схоляруме венатеров и в Эксплоруме. Последнее радует – высокие баллы по теоретическим дисциплинам система учла.

В пункте «Дополнительное», то есть в реестре, из которого выбирать не запрещено, но как бы нежелательно, значатся милитеры и визеры – вот, граце! Однако затем становится понятно, что это похожие статусы в Визеруме и Милитеруме, а физический труд мне не рекомендован нигде.

Всё действительно обоснованно (например, получить рекомендацию в авитеры я не надеялась – ну смешно же), и действительно есть над чем подумать...

Пусть катервис гностеров для тутеров закрыт, однако я могу реализовать врождённое любопытство в исследовательском пункте – не придётся никого убивать, как венатерам, или безвылазно сидеть в урбуме, как протерам. А поскольку многие гностеры также предпочитают не покидать стены Аркама, именно эксплоеры осуществляют для них экситусы и разведывательные экспедиции, собирают образцы и различные данные. В период обучения такая деятельность была мне близка, но из-за плохой физической подготовки рекомендация в Эксплорум казалась сомнительной.

И тем не менее, я её получила!

С другой стороны, в Протеруме я могу попасть в пункт Орна и трудиться рядом с ним. Не вместе, ведь пока у меня недостаточно опыта (а может, и мозгов), но в качестве адьютиуса – вполне. Перспектива находиться под опекой сиблеса очень заманчива, а перспектива достичь высоких статусов, как он или матрес, дабы утереть нос обидчикам в схолярусе – ещё более заманчива. Любой новес мечтал бы о таком, но...

Но я чувствую, что слишком устала, а для принятия решения будет ещё полный диас.

Откладываю планус в сторону и устремляю взгляд вверх, где над изголовьем койки медленно вращается нагнетатель. Раньше воздух очищали, обогащали и пускали по непрерывной циклумаии в замкнутой системе. Теперь его забирают с поверхности, но всё равно обогащают кислородом, поскольку излишняя концентрация руберия неблагоприятно сказывается на здоровье людей. Без этих нагнетателей жизнь в урбуме остановилась бы, как едва не остановилась из-за волны ЭМИ в первые диасы Эксцисуса. Словно лёгкие огромного организма, они трудятся постоянно и непрерывно, и мы настолько привыкли к их фоновому гулу и мельтешению лопастей, что почти не замечаем.

Почти.

Смотрю на них, смотрю, смотрю... А руки непроизвольно перебирают фиксирующие ремни, и я осознаю свои действия, лишь когда наматываю настолько плотно, что не могу снять.

На всех койках крепятся подобные ремни для фиксации больных или нарушителей, ведь в режиме Специале Ситеус любой парциум может превратиться в рекреациум или инсулариум. Но если раньше мне не было до них дела – болтаются себе и болтаются, то теперь я решаю поэкспериментировать – натягиваю и застёгиваю. Не сказать, что ремни меня полностью обездвижили. Даже если максимально затянуть, всё равно останется место, чтобы поёрзать и выползти на волю.

Тогда какой в них смысл?

Может, как и привинченная мебель с подставками для ног, они нужны на случай сильного землетрясения?

Ради забавы произвожу уже знакомые мысленные действия и переворачиваю парциум. Я остаюсь на месте, поскольку зафиксирована, а тихо посапывающая Цея, запутавшись в одеяле, падает на потолок. Кстати, у её койки ремни отсутствуют. Крепления как-то сломались, вроде бы от времени, Цея сдала остатки в дивидериум, однако новые ей не выдали. Сказали, отсутствует необходимость. Получается, что фиксирование теоретического больного или нарушителя не имеет особой важности, а фиксирование при землетрясении важность хоть и имеет, но высшее руководство не интересуется. Естественно, ведь при тектонической активности, способ-

ной перевернуть огромный бункер, никакие ремни людей не спасут, и никакие материалы не выдержат – нас просто расплющит . . . Потому в голове снова всплывает вопрос с уне либеллуса: так почему же Аркам не разрушился?

В общем, пока я пытаюсь заснуть, вместо размышлений о будущем труде в голове варится суп из очень странных мыслей.

Как мы пережили сдвиги материков?

Зачем нужны фиксирующие ремни и намагниченные подносы?

И почему межсегментные ворота всегда закрыты?..

1.3. Аркам

Диас 18, лунас 06, циклс 733 от ГЭ

Итак, у нас свободный диас – диас перед Интродуктусом.

Обычно его проводят в парциумах, дабы обдумать рекомендации, просчитать перспективы и понять, что мы из себя представляем и какой труд собираемся выбрать, ведь в дальнейшем поменять решение будет проблематично. Только я не имею желания сидеть под землёй. Если пойду в протеры, то посвящу этому свою жизнь, как матрес. Она видит солнце два-три диаса в лунас, а судя по незавершённым полотнам – даже реже. Ноне, я так не смогу. Мне претит подземное затворничество без красного воздуха и относительной, но всё-таки свободы. Если же выберу венатеров, то воздуха будет достаточно. Продолжать бегать по агрумам и заниматься отловом дамнаресов тоже не хочется, но придётся, пока не пройду распределение в эксплоры. Так что, если идти в венатеры, то только в эксплоры.

Беру свой планус и вновь просматриваю реестр со всеми вкладками: какой объём труда от меня потребуется и каких статусов я смогу достичь. Так ничего и не решив, откладываю его, натягиваю одежду и наношу защитную мазь. Время трапезы манаса завершается, но я ещё успеваю, а после планирую выйти на поверхность.

Матрес ушла на смену тихо и незаметно, позволив мне поспать подольше (имею истус, как-никак!), так что сегментиум уже практически опустел. Многие новесы переместились в трудовые пунктумы или разъехались по ариумам, и сей хорас я встречаю в основном терсеров, поддерживающих чистоту, тутеров свободного диаса и малесов с маленькими филесами.

В эдериуме быстро проглатываю свою порцию. Затем миную переход с пунктумом визеров, где накануне мы с Браем устраивали отвлекающие манёвры, и покидаю урбум. Больше ни от кого не прячась, кроме беспощадного светила, прикрываю лицо текстусом и очками, поднимаюсь на погрузочную платформу внутреннего циклевиуса и сажусь в первый подошедший виетранус.

Аркам имеет радиальную структуру.

В самом центре располагается Таурум с информационным пунктумом. Подобно могучему дереву, он возносит нодус Декларума высоко к розовым облакам, а корнями уходит глубоко в земную кору. На первом и втором стациуме под Таурумом располагается Куратерум, откуда осуществляется непосредственное координирование деятельности урбума. На стациуме ниже – Лексерум, ещё ниже – Дивидерум, а глубоко-глубоко в земле – Архиверум. Официально он занимает два стациума – пятый и шестой, – но ходят слухи, что их намного-намного больше.

Всё это, сверху до низу – сектрум 00, отведённый кластису имперов. К нему прилегают закреплённые за каждым кластисом сектрумы в самом урбуме и ариумы на поверхности. Сектрум 01 также принадлежит имперам, 02 – тутерам, 03 – калидерам, 04 – аксилерам, а сектрумы 05 и 06 – сурвитерам и сурресерам соответственно.

На верхнем стациуме каждого сектрума располагаются дивидериумы – распределительные пунктумы, эдериумы – пищевые пунктумы и Схолярумы унесов – пунктумы начального образования. Жилые сегментиумы занимают пять стациумов ниже геоуровня, а под ними – очистные пунктумы, пунктумы синтеза, лабораториумы, внутренние терриумы и прочие сегментиумы, которые использовались, пока мы жили под землёй. Когда же наши предки покинули бункер, многие технические узлы вывели на поверхность, и нижние стациумы законсервировали.

Возле Аркама предки выстроили два циклевиуса: один в пешей доступности от радиальных стен бункера, другой по внешнему периметру освоенных ариумов, то есть вдоль охранной стены. Между ними проложены лучи – радевиусы, – по которым регулярно следуют виетра-

нусы. Это – наши артерии и вены, соединяющие все ариумы всех кластисов и обеспечивающие урбум материальными и человеческими ресурсами. Виетранус на внутреннем циклевиусе объезжает Аркам меньше чем за хорас, а на внешнем – за пять хорасов, останавливаясь дважды за сектрум.

Я устраиваюсь так, чтобы в доступе были противоположные смотровые отверстия, но пока интересуюсь только урбумом. По сути, в его виде отсутствует что-либо необычное: вход в жилой сегментиум, межсегментные ворота, вход в жилой сегментиум, межсегментные ворота – и так шесть раз. Всё просто, кроме одного: что это за межсегментные ворота? Они всегда наглухо закрыты, к каждому приставлен визер, и никто никогда не видел, чтобы их открывали.

Нам рассказывали про законсервированные домиумы для машин, которые использовались на поверхности после завершения катаклизма. Однако почему их нельзя использовать теперь, в новых целях – непонятно. Альтернативная версия гласит, что там находятся вовсе не домиумы, а запасные выходы, подобные предусмотренным на каждом стациуме. Однако не все они ведут к поверхности – в этом я убедилась лично. Точнее, вместе с Орином. Как-то ради развлечения сиблес вскрыл один из стациумных выходов – взломал запирающий датчик и умудрился не оставить следа в системе. Вот только за огромной, соскользнувшей в сторону плитой обнаружился лишь глухой слой горной породы, и ничего более. Несколько моментасов мы, как дебитесы, разглядывали оплавленный камень и мысленно строили догадки, почему эвакуационный туннель не был прорыт, но ответа так и не нашли. А межсегментные ворота Орину вообще не поддались, и я просила его больше не рисковать своим статусом, ведь, насколько бы он ни был умён и осторожен, рано или поздно его могли поймать. Орин обещал, но остановился ли – не знаю. Во всяком случае, меня с собой больше не брал.

С тех пор прошло пять или шесть цикласов.

Интересно, удалось ли Орину вскрыть ворота?

Узнал ли он, что за ними находится?..

Циклетранус быстро делает полный оборот и вновь прибывает в сектрум тутеров. Я выхожу, пересаживаюсь на радетранус и по поднятому над поверхностью помосту мчусь ко внешнему циклевиусу, где вновь пересаживаюсь на циклетранус, курсирующий по самому верхнему стациуму. Отсюда наблюдать уже интереснее: в левых смотровых отверстиях видна охранный стена и раскинувшиеся за ней ландшафты, а в правых мелькают наземные постройки урбума.

Ранее инфраструктура Аркама основывалась на автономной системе циклумаии ресурсов с их оптимальным и по возможности безотходным использованием. Мы ничего не выбрасывали. Изношенные и пришедшие в негодность личные и общественные вещи, предметы одежды и оборудование сдавались на утилизацию, после которой из полученного сырья синтезировались новые. Материалы были и по большей части остаются синтетическими, поскольку они долговечные, не маркие и простые в получении. Функциональность и эргономичность – максимальные. Крой и трудозатраты – минимальные.

Когда-то наши предки использовали натуральные ткани растительного или животного происхождения и даже, подобно тварям, носили выделанные шкуры. Чего уж проще: поймал зверя, содрал с него шкуру и нацепил на себя – чистейшее варварство! А чтобы получить ткань, нужно собрать сырьё, из него скрутить нить, из нити соткать полотно, из полотна скроить и сшить одежду. Ещё и станков у людей древности не было, что вообще выходит за рамки моего понимания. Они всё делали вручную! Наверное, это отнимало половину жизни, если не больше, потому теперь этим никто не занимается. К тому же натуральные материалы считаются непрактичными, срок их службы недолог, а технологии изготовления мы давно утратили, возложив данный труд на автоматизированные машины.

Мы и пищу самостоятельно не готовим – её также производят специальные машины, способные удовлетворить потребности огромного урбума. Ранее она частично синтезировалась

из первичных веществ, а частично выращивалась в подземных терриумах. Пищевые отходы шли на корм животным, биологические – на удобрения, использованная вода очищалась, а её циклуация по системе являлась дополнительным источником энергии. И даже тела умерших людей перерабатывались в питательную субстанцию, на которой росли растения.

Изначально пункты данных производств располагались на нижних стациумах. Но, согласно плану внедрения естественного ресурсообеспечения, после выхода на поверхность они дублировались аналогичными наземными постройками либо становились вообще ненужными.

Сам план был следующим.

Первый этап – расчистка арумов, добыча первичных ресурсов при помощи оборудования, выведенного из бункера, возделывание плантиумов.

Второй этап – строительство терриумов, крытых стабулиумов, аквариумов, уне факториумов и необходимых производственных машин. А поскольку ариумы для выращивания потенциальной пищи увеличились, подземные лабораториумы и терриумы начали постепенно закрываться.

Третий этап – добыча ресурсов промышленным способом и в промышленных масштабах, строительство общественных зданий (Схолярумов, Рекреатумов, пунктумов труда) и дальнейшее развитие наземной инфраструктуры.

Четвёртый этап – полное замещение синтетического внутреннего обеспечения внешним натуральным. В идеале. А по факту это коснулось в основном продуктов питания, факториумные же производства остались синтетическими, только разместились на поверхности.

Данные меры позволили вдвое увеличить человеческий ресурс относительно уровня, зафиксированного до Сангве Морбуса, и постепенно возле подземного урбума вырос надземный.

Сперва мы несёмся по знакомому с инфантуса Тутеруму, усеянному агрумами, сагитиумами, искусственными тренировочными ландшафтами, монтиумами, транспортными и ремонтными домиумами, посадочными пунктами авитеров и оружейными хранилищами. Также на каждом ариуме располагаются Схолярумы десов и тресов, раньше находившиеся в стенах Аркама вместе с унесами, но потом, после завершения изоляции и в связи с увеличением числа схоляресов, перебравшиеся на поверхность. Кроме того, на поверхность были выведены пункты катервисов, у нас это: Венатерум, Авитерум, Визерум, Милитерум, и после отделился Эксплорум, обзаведясь собственным зданием. Под стенами урбума остался только Протерум, а освободившиеся секциумы были отданы под дивидериумы и хранилища. Также в целях экономии времени ариумы постепенно обросли местными эдериумами, медериумами и аксилериумами, что позволило многим новесам не возвращаться в Аркам по несколько раз за диас.

Далее виетранус пересекает ариум калидеров. Здесь располагаются пункты их основных катервисов: Гностерум – главный научный пункт, и Медерум – главный пункт медеров. А также Рекреатум, Репродуктум, Новум, Мортум, лабораториумы и многочисленные Схолярумы. Сие, у калидеров их больше, чем у любого другого кластиса, ведь их обучение не завершается Интродуктусом – калидеры учатся всю жизнь до самого сенектуса.

Зато у аксилеров и имперов ариумы отсутствуют. Точнее, только у аксилеров, поскольку ариумом имперов считается Имперум – сектрум 00, включающий в себя шесть стациумов под Таурумом. Аксилерам же не нужны ни многочисленные строения, ни плантиумы, ни агрумы. Они трудятся по всему Аркаму, как внутри, так и на поверхности, их многочисленные пункты раскиданы везде, а обучающие пункты располагаются в стенах урбума – этого вполне достаточно. Их ариумы заняли сурвитеры и сурресеры, а также ариумы, находящиеся далеко за пределами второго циклевиуса – вот им в силу специфики труда всегда и всего мало!

Соответственно, следующими после калидеров раскинулись ариумы сурвитеров, на которых находятся многоярусные плантиумы, огороженные пастиумы, крытые терриумы, граниумы, домиумы аграрной техники, стабулиумы, аквариумы и ависиумы. Это самый красивый ариум из всех! В тёмное время суток терриумы светятся приглушённым белым светом, на который мы с Рэем так любим смотреть, а в диас бистеры выпускают стада, и разномастные кучки животных мирно пасутся на красно-зелёных пастиумах сочной гибридной травы. Она генетически изменена для повышения питательности и, кажется, даже добавляется новесам в пищу – можно самим тут пастись, с голоду не умрёшь гарантированно! Однако за внешним умиротворением скрывается страшная участь всех фитофагов – в отдалении сереют стены бистмортиумов, разделочных пунктумов и фригиумов для хранения туш. Изнанка и итог их мирной жизни под защитой стен заключается в том, что все они однажды будут съедены хабитесами Аркама.

Для обеспечения урбума водой и орошения плантиумов от протекающей неподалёку реки прорыты каналы – аквевииусы, которые паутиной оплетают ариум сурвитеров. Прежде, в замкнутой системе циклумировало постоянное количество жидкости, множество раз прогоняемое через очистители. Потом мы стали использовать безопасные подземные источники, подвергавшиеся фильтрации глубинных горных пород. А когда уровень радиации снизился – построили данную систему водоснабжения и сброса, и теперь Аркам непрерывно питается от естественного наземного источника. Взглянув с высокого помоста циклевиуса, можно увидеть и саму реку, петляющую меж низких гор, и построенную в месте сужения её русла платину с гидре-энергепунктумом – Энергумом. Он генерирует для Аркама альтернативную энергию и является мостом, соединяющим берега.

Следующие после ариумов сурвитеров ариумы сурресеров выглядят хоть и не столь красиво, но не менее впечатляюще. Здесь полностью отсутствуют растения, зато присутствуют многочисленные постройки: энергиумы, факториумы по первичной и вторичной конвертации сырья (металлов, минералов, природного топлива и всего, что добывают в разбросанных за охранной стеной путиумах и секариумах), де факториумы по производству одежды и вещей быта, строительных материалов и техники, а также очистные пунктумы и пунктумы по утилизации отходов, на которых трудятся терсеры. Хотя после того, как мы на 90% перешли на естественное ресурсообеспечение, часть использованных материалов стали просто выбрасывать, ведь их утилизирование требует больших затрат, чем приносит итоговой пользы. Почти у каждого здания ввысь вздымаются апексумы труб, диас и ночас выпускающие в красную атмосферу серый дым, однако урбум расположен таким образом, что преобладающие ветра уносят загрязнённый воздух прочь, не нанося вред плантиумам и пастиумам.

И нам.

Виетранус завершает цикл и возвращается к ариуму тутеров. Поскольку начала я в его примасе, то немного выжидаю и выхожу в финасе. Спускаюсь с платформы и снова поднимаюсь – в этот раз на стену. Приближается визер данного сегментиума, запрашивает мой номен и ИЦК, а после процедуры сканирования кивает и удаляется под теневой навес. Он знает, что у тресов тутеров свободный диас (весь Аркам знает), к тому же мы знакомы лично. Здесь находится моё любимое место после Таурума, где я часто бываю и часто пересекаюсь с этим виресом – минимум один раз в лунас точно. Но, так как пребывание вне урбума требует постоянного ношения защитных средств, его лицо я ни разу не видела. Как и он моё.

Подхожу к самому краю, облакачиваюсь на защитное ограждение и устремляю взгляд вдаль.

По сути, земли за стеной делятся на два типа: дополнительные плантиумы, где заготавливают корма и собирают некоторые пищевые растения (те, которые произрастают самостоятельно, не требуя затрат на возделывание или охраны), и ариумы добычи ресурсов. Именно в этом пунктуме контраст между ними заметен наиболее явно: созидание и разрушение, пло-

доношение и потребление, наша нужда и наша ненасытность. Сей хорас я буквально стою на границе двух разительно отличающихся миров: мира природного – с буйной растительностью, среди которой появляется тем больше красного цвета, чем дальше она отступает от урбума; и мира, исковерканного новесами – с бесплодным ландшафтом, изрытым и обглоданным до неплодоносного слоя породы. Когда-то выжившие люди дезактивировали и засевали данные пространства едва воссозданными растениями, а теперь экстрактеры повторно их уничтожают, взрывают и перекапывают.

Человеческая деятельность выглядит деструктивно и ужасающе, особенно по отношению к только-только оправившейся от катаклизма природе. Но все понимают, что это необходимость, ведь инфраструктура Аркама растёт и развивается, а значит, нам требуется всё больше ресурсов. Уже идут диспутусы о строительстве третьего циклевиуса и второй охранной стены после дальнего периметра, дабы упростить доставку добытых ископаемых и обезопасить трудящихся там новесов. Основную часть диаса или ночаса они находятся на открытой местности, и существующая стена их не защищает, только милитеры. При том, что многие животные, лишившись пищи, покинули привычные места обитания, а за ними ушли и хищники, сравняв риски для людей, экстрактерам приходится копать всё глубже и заходить всё дальше, тем самым риски возвращая.

Но и на этой несчастной земле, истерзанной цепями машин, изрытой вдоль, поперёк и вглубь, кое-где проглядывает молодая красная поросль. Если оставить ариумы в покое, не уродовать, не рыть и не перекопывать, природа, пусть и не скоро, обязательно возродится, как возрождается всегда, даже после падения метеорита или сброса ядерных бомб. Она зарубцует раны, восстановит растительный покров, и сюда снова вернуться животные. Что бы мы ни делали с планетой, как бы ни пытались её уничтожить и разорить, она всё равно выживет...

Наверное.

Осмелев, я сдёргиваю текстус и снимаю защитный пластик, желая без преград посмотреть на созданный нами мир. Краски сразу становятся выбеленными, будто на полотнах Цеи, которая, похоже, рисует без очков. От непривычно яркого света я непроизвольно шурюсь, однако солнце находится у меня за спиной и не может нанести значительный урон глазам. А в текстусе мне просто жарко и душно – хоть данная ткань создана специально, чтобы пропускать воздух, при такой температуре и влажности кожа под ней быстро покрывается испариной.

После завершения ядерной зимы в атмосфере начались обратные процессы. Повышенное содержание углекислого газа, плотный, изолирующий слой руберия, раскаляемые активным солнечным излучением пустынные континенты – всё это способствовало постепенному нагреву планеты и обильному испарению воды в морях и океанах. Средняя температура выросла, климат стал более влажным и тёплым, а ливни участились, обильно орошая мёртвые почвы. Высаживаемые нами растения развивались в такой среде, как в терриуме, словно сама природа помогала себя восстанавливать.

Гностеры утверждают, что данные колебания холод/жара уже движутся к стабилизации и вскоре должны нормализоваться, однако пока каждый диас середины жаркого сезона встречает нас горячим и влажным дыханием. С учётом того, что людям приходится тщательно закрывать все возможные участки тела, то есть кутаться в одежду с ног до макушки, порой это становится совсем невыносимо. И я мысленно жалею визера, находящегося на стене полную смену. Периметр имеет специальный теновой навес, иначе его труд являлся бы фатальным, только это всё равно спасает мало.

Поднимаю лицо к ярко-сиреневому небу и смотрю на розовые облака. Гигантские клубы пара неспешно скользят по невидимой плоскости высоко-высоко над землёй, а пролетающие под ними птицы выглядят мелкими точками, несопоставимо крошечными по сравнению с бескрайней атмосферой, с тоннами разряжённых водяных масс и с величиим Иновы. Они – лишь

песчинки на её фоне, как и мы, люди, – лишь мураши, формицесы, копошащиеся в своём формитиуме.

Единственные на целой планете.

Как же мы смогли всё это воссоздать? Как наполнили атмосферу руберием? И где располагались гигантские машины, которые диасы и ночасы синтезировали красный газ – миллиарды кубических километров, миллионы и миллионы тонн? Сие, нам не потребовалось восполнять всю атмосферу. Достаточно было добавить 15%, чего в совокупности с 6% кислорода хватило для образования защитного слоя и дыхания живых организмов. Остальной же кислород добавился в процессе фотосинтеза из углекислого газа и теперь составляет 17%. Но всё же цифры ошеломляют. Разве способна горстка людей с ограниченными ресурсами сделать такое?..

«Можно посмотреть на машины?» – спросила я, едва зайдя в схоляриум.

«На какие? – уточнила схоляриус. – Машины, которые ездили по наземным виусам, сгорели в огненных вихрях. После катастрофы ничего не осталось».

«Ноне, на другие! Которые делали красный газ! Они ведь огромные!» – пояснила я и восторженно развела руками, изобразив то, что вычитала в базе и что в понимании недавнего инфантеса являлось «Огромным».

«Эти машины тоже не сохранились. Их разобрали...» – пожалала плечами малес и приговилась вести занятие.

«Они нам больше не понадобятся?» – удивлённо перебила я.

«Думаю, ноне. Защитный слой восстановлен, этого достаточно...»

«А если снова разрушится?»

«Тогда построим их заново!» – ответила начавшая раздражаться схоляриус.

«А где они стояли?» – задала я очередной вопрос.

Как результат: вывела её из себя, получила предупреждение и спровоцировала насмешки со стороны прочих унесов.

Потом, уже по теме занятия, нам объяснили, что после завершения синтеза данные установки разобрали, а детали и материалы пустили на другие производства. Однако и теперь, спустя почти два десятка цикласов, меня донимает вопрос: где же они находились? Машины действительно должны были быть огромными, высотой с Таурум и площадью в несколько километров. Они не могли не оставить заметных следов! И единственный вариант, почему не оставили, – потому, что располагались здесь, на безжизненных землях, которые мы изрыли до неузнаваемости и высосали до последней капли полезных ископаемых.

А как же леса?

Где проходит граница очищенной зоны? И насколько далеко смогли продвинуться новесы, восстанавливающие экосистему?

Когда на планеволусе поднимаешься в небо, то до самого финитуса виднеется багряный покров, размеры которого поражают. За семь сотен цикласов и природа, и люди неплохо потрудились, но я понимаю, что на лице планеты наши леса выглядят маленьким пятнышком – небольшим островком красноты среди обширного запустения. И это уже странно...

Если со всех сторон находится гигантская пустыня, то и воздух, и каменистая поверхность должны раскаляться. Там должны возникать песчаные и пыльные бури, термические токи и обжигающие ветра, знойным дыханием губящие всё живое и приносящие в другие места засуху и запустение, но с нами такого не происходит. Наоборот, после обильных ливней, в два коротких лунаса прохладного сезона до нас долетают едва различимые отзвуки далёкого-далёкого океана. Все новесы знают о его существовании по рассказам схоляриусов и картинкам из Архиверума, но ни один не видел. И я мечтаю о том диасе, когда, возобновив дезактивацию, мы заберёмся достаточно далеко, чтобы его найти.

А может, никаких пустынь уже не существует? Может, не наши предки, так сама природа возродила континент, потому засеивание и приостановили?

Или мы – не единственные выжившие люди, способные производить данный труд?

Может, где-то существуют и другие урбумы, которые также занимаются восстановлением планеты? Может, они также вырастили свои гибридные растения и своих гибридных животных, заселивших пустынные арумы? Может, многие виды, наблюдаемые нами теперь, дело рук не наших гностеров или случайных мутаций, а следствие труда людей из других урбумов?..

– Тутер Мира, смена скоро завершится, – предупреждает визер.

– Граце! – отвечаю я.

Действительно, я слишком задержалась.

Послушно натягиваю текстус, спускаюсь с охранной стены и по радевиусу возвращаюсь в Аркам. Прохожу по пока ещё пустующим переходам, направляясь в свой парциум, но неожиданно останавливаюсь и замираю.

Я в самом примасе. Вперёд устремляются одинаковые серые покрытия, пол и потолок. По периметру располагаются жёлтые осветители, а в стыках – угловые выступы, под которыми проложены коммуникации. Делаю шаг назад, прилипаю спиной к стене и кручу головой под разными углами... И вот – я лежу на дне колодца, а вверх поднимаются плоскости, ведущие к далёкому выходу.

Никогда не смотрела на переходы с такого ракурса, но, поскольку в последнее время мой мозг упорно переворачивает Аркам, решаю продолжить эту фантазию.

«Как же мне выбраться из сегментиума? – думаю я. – Как добраться до дальних парциумов, Протерума или Имперума, если теперь они находятся наверху, а я внизу?..»

Вновь окидываю взглядом покрытие стен и задерживаюсь на металлических выступах. Зачем они торчат наружу, при большом потоке людей мешая передвижению, если коммуникации можно спрятать в панелях, как прячут энергетилусы, питающие компьютеры? Разумеется, я не инженер и не электер, которым такое расположение облегчает доступ при техобслуживании, но всё же... Мысленно цепляюсь за выступы (цепляюсь в буквальном смысле слова – руками) и начинаю карабкаться, как по лестнице. На удивление, это оказывается очень удобно, словно для того их и создали. А ведь подобные «Лестницы» имеются везде, во всех переходах, пунктумах и парциумах, но мы настолько привыкли к ним, что даже не замечаем...

Неожиданно «Наверху», в самом начале перехода, появляется тутер. Подобно инсектесу, он ползёт по одной из стен «Вниз», ко мне, развеивая случайное видение и своим блёклым видом сильно напоминая крысиуса...

Официально данный катервис в Резолюусе не прописан, следовательно, ни своего сигнуса, ни пунктума труда муриусы не имеют. Однако они есть, и от них никуда не деться. Говорят (но это не точно), что они являются «Особыми» протерами, выполняющими «Особые» поручения. А ещё говорят, что иногда они меняют сигнус, потому что крысиусом может оказаться любой, абсолютно любой новес любого кластиса и катервиса. Так что, завидев подозрительно спокойного и внимательно за всеми наблюдающего новеса, можно не без оснований предположить – перед тобой что-то высматривающий и вынюхивающий крысиус. И это ещё одна причина, по которой в Аркаме все строго соблюдают предписанные пактусы, не делая, не озвучивая и даже не думая ничего лишнего, ведь никому не хочется оказаться в инсулариуме за случайно брошенную фразу или неверное суждение.

Резко отлипаю от стены и спешу в свой парциум, надеясь, что подозрительный вирес на меня больше не смотрит, а через пару шагов меняю решение и разворачиваюсь. Трудовой диас ещё не завершился, но, наплевав на все пактусы, я иду отвлекать Орина. Отмечаюсь на сканере, с невозмутимым видом прохожу мимо визеров Протерума и следую к секциуму сиблеса. Это я уже вычислила – если чётко знать, куда направляешься, если вести себя уверенно и не озираться по сторонам, то никто тебя не остановит.

Миную раздвижной портал и вижу лохматый затылок, белеющий среди привычной серой обстановки. Орин что-то сосредоточенно рассматривает на скринусе и с поражающей для

искусственных пальцев быстротой нажимает многочисленные комбинации клавиш. Сей хорас его руки не светятся – отсутствует такая необходимость. Теперь я понимаю, что это дополнительная опция, установленная ради особого визуального эффекта или с целью замещения осветительных приборов, а в остальном – лишняя трата энергии. Зато раньше, когда была инфантесом, я обожала разглядывать механические конечности, и сиблес включал их специально, чтобы меня порадовать.

Среди милитеров и венатеров биомеханесы встречаются чаще всего, поскольку опасный труд предполагает получение увечий. Некоторые травмы, например, потеря руки, совместимы с дальнейшей деятельностью и не являются приговором – конечность вполне можно заменить многофункциональным протезом, включающим миттус, крюк, тиски и любой другой инструмент, который только улучшит боевые качества. А вот потеря ноги становится критичной для передвижения, особенно в зарослях, потому такие тутеры перетекают в Милитерум, Венатерум, обучающие Схолярумы или технические домиумы. В Протеруме же биомеханесы – большая редкость, ведь после обучения новесы, ставшие протерами, остаются под защитой урбума, где вполне безопасно.

Подхожу и нагло обнимаю его за шею.

– Аве, сиблес!

Орин разворачивается, и его светлое лицо буквально озаряется сиянием – у нас с сиблесами очень хорошие отношения.

– Я на десяток миначов! – сообщает он адьютиусу, а затем говорит уже мне: – Идём в переговорную.

Может себе позволить!

Следую за ним в отдельный секциум, где не имеется ничего, кроме привинченного посередине стола, таких же привинченных сидений и вездесущих камер под потолком для контроля. Орин пропускает меня вперёд, запирает створки, дабы избежать постороннего вмешательства, и снова улыбается. На этот раз мы обнимаемся долго и крепко, ведь не виделись почти циклас.

– Как ты подросла! – восклицает он.

– Я давно не меняюсь, – возражаю я.

– Всё равно подросла! Никак не привыкну, что моя меньшая сиблес скоро станет фертилес!

Эта фраза заставляет меня смущаться.

Орину 39. Когда он завершал обучение, я только пошла на уне либеллус и была важной до невозможности. Точнее, схоляресы и, наверное, некоторые схоляриусы считали меня важной, а на самом деле я ужасно стеснялась, потому ни с кем не разговаривала. Собственно, с тех пор ничего не изменилось. И, как и тогда, сей хорас Орин смотрит на меня с обожанием и восторгом, осознавая, что на собственных филесов разрешение никогда не получит. Кроме бионических рук и ног у него имеется генетический дефект – он альбес. Его кожа, волосы и даже глаза не имеют меланина, а следовательно, той минимальной защиты от солнца, которая жизненно необходима на поверхности.

Геном естественных филесов контролируется мало или, по добровольному согласию, не контролируется вовсе. Они наследуют материал обоих генесов, причудливым образом сплетающийся и порой порождающий совершенно неожиданные комбинации. Первые немодифицированные филесы могут оказаться какими угодно: светловолосыми и голубоглазыми, огненными с зелёными глазами тварей или с чертами давно исчезнувшей расы. Иногда у них проявляются гены далёких-далёких предков или нестандартные атавизмы, а иногда – наследственные заболевания.

Как оказалось, у Цеи и Сандра имелся рецессивный ген альбуса, который объединился и проявился в Орине.

В зависимости от тяжести дефекта и способности к дальнейшей полноценной деятельности, консилусом медеров выносится вердикт о сохранении жизни таким филесам, потому естественное размножение – это всегда определённый риск. Новесам, подобным Орину, мортус не грозит, но иметь собственных филесов уже не позволено. Ещё долго после его партуса разрешение не могли получить и Сандр с Цеей. Совмещение генома в разы безопаснее, так как искусственное оплодотворение проводится проверенным материалом и под строгим контролем гностеров-генетиков. Однако, поскольку дефект имелся у обоих генесов, чей бы материал ни был взят, потомство могло оказаться если не больным, то носителем болезни. Восемь цикласов генесы безуспешно подавали прошения, а затем случилась третья эпидемия – Флаве Морбус, – последствия которой проявлялись ещё несколько цикласов после основного апексума. Демографическая ситуация оказалась настолько критической, что потребовалось срочно восполнять потери (разумеется, пропорционально производительности, ведь после партуса филеса малес на два цикласа выпадает из трудового процесса, обеспечивать который и так стало некому).

Генесы попытались снова и на этот раз получили положительное решение. Появился Брай, а через четыре цикласа Сандр погиб от тех самых последствий. Цея сразу подала новое прошение в качестве одинокой малес и получила разрешение на меня, так что патреса я не знала. По сути, Сандр мне не патрес. Когда пара в келлисе подаёт прошение на филеса совмещённого генома, то никто, кроме генетиков, не знает, чей материал используется для репродукции, а чей является донорским. Когда же прошение подаёт одинокая малес, то исходный материал точно её, а донором точно является патрес. Несомненно, бывают случаи, когда ничей материал не подходит, и тогда филес становится полностью донорским. Но это – редкое исключение в периоды низкой демографии, а в другие периоды подобным парам просто отказывают.

Таким образом Орин оказался старше меня на десяток и пять цикласов, а Брая – ровно на десяток, и фактически заменил патреса нам обоим.

Орин – замечательный, добрый, терпеливый и рассудительный вирес. Он знал, что по причине альбуса, а также высокого интеллекта, выделявшего его среди прочих схоляресов, труд милитеров или венатеров, не говоря уже про визеров, ему не подходит. Единственным приемлемым вариантом для него, как и для меня теперь, были протеры, хотя обучаться пришлось во всех Схолярумах всех катервисов, ведь того требует стандартная программа подготовки. Разумеется, защитная мазь, одежда и очки спасают даже при полном отсутствии меланина, но именно взрыв позволил сиблесу больше не выходить под красное небо.

На лице Орина виднеется след от ожога: правая сторона покрыта рубцовой тканью, бровь отсутствует, часть волос и ухо тоже – это то, что он не успел заслонить руками. Правую руку оторвало почти до плеча, левую – до локтя, ноги – до колен, а внутренние органы остались нетронутыми благодаря пластинам защиты, буквально спасшим ему жизнь. Впоследствии утраченные конечности заменили бионическими протезами, брови и уши же не являются жизненно важными или функциональными элементами, потому восстанавливать их не стали.

Увечья накладывают отпечаток и на физическую форму сиблеса. Он не мускулист, скорее, жилист и подтянут, ведь регулярно занимается обязательной физической подготовкой (что для труженника Протерума неожиданно – многие от сидячего образа жизни несколько «Расплаваются»). Если раскрасить его в обычные цвета новесов, то получится среднестатистический вирес с циклунным подбородком, чуть изогнутыми губами, похожими на губы Брая, широким носом и вполне европейскими глазами. Их внешние уголки немного опущены вниз, что придаёт Орину печальный вид, а радужка почти не имеет цвета – она блёклая, полупрозрачная и иногда кажется розовой или даже красной, как у муресов в лабораториумах гностеров.

Ранее Орин делил парциум с напарником по пунктуму труда, затем, достигнув высокого статуса, переселился в индивидуальный, где и остался. Знаю, что после Интродуктуса он пред-

лагал одной малес создать келлис, но она отказалась. Больше Орин попыток не делает, всецело отдаётся деятельности на благо Аркама, а в свободное время занимается электроникой: постоянно что-то паяет, мастерит и придумывает. Подобная прерогатива принадлежит инженерам и рефектерам, однако Орин оказался весьма талантлив. Некоторые из его изобретений были одобрены высшим руководством и теперь применяются не только в Протеруме, но и по всему урбуму.

– Я видела Брая! – радостно сообщаю я.

– И как дела у нашего дебитеса?

– Замечательно! Даже когда у него неприятности, дела всё равно замечательно!

– Кто бы сомневался! – по-доброму усмехается сиблес. – Всё хочу наведаться к ним в парциум – жутко соскучился по Метре и Мерит, но наши свободные диасы никак не совпадают. А чужие филесы растут так быстро...

– Сие, сложно представить, что в следующем цикласе они будут бегать по колено в грязи.

– Ну... Некоторым нравится, – Орин небрежно пожимает плечами, и мне чудятся грустные нотки в его голосе.

Никогда не думала, что такое может нравиться ему.

– Брось! Точно не тебе!

– У меня не было возможности, а это разные вещи, – парирует он. – К тому же я имел ввиду Брая. Думаю, он будет счастлив увидеть, как его филесы бегают в грязи.

– Из тебя бы тоже получился отличный патрес, – сочувственно говорю я, понимая его печали. – И можно создать искусственного...

– Во-первых, пока не с кем. Во-вторых, родство искусственного филеса – дело случая, на котором всё базируется. Для меня же варианты отсутствуют – филес не будет иметь ко мне никакого отношения. Может, оно и к лучшему.

И он делает жест искусственной рукой, показывая как бы на всего себя.

– Ну... Для меня ты точно был лучшим патресом!

– Что тебя привело?

– Раздумья! – отвечаю коротко и весело. – А ещё я ужасно соскучилась по своему сиблесу! Не знаю, когда потом сможем увидеться.

– Выбрала, куда пойдёшь? Какие у тебя рекомендации?

– Это секретная информация! Я не имею истус её озвучивать!

– Уж настолько секретная? – снова усмехается Орин, и я понимаю, что он уже всё видел.

– У тебя будут неприятности, – предупреждаю я.

– Не волнуйся, не будут – просматривать данные схоляресов мне не запрещено. Так что ты выбрала?

– Пока не решила... Может, за этим и пришла?

– Постарайся всё обдумать и выбрать не только то, что нравится тебе сей хорас, но и то, что будет удовлетворять через десяток или два десятка цикласов. А самое главное – какие это откроет перспективы.

– Зачем мне перспективы? Мы равны, носим одинаковую одежду, потребляем одинаковую пищу и живём в одинаковых парциумах. Разница лишь в том, что остальные слушаются тебя, а не ты их. Я руководить не рвусь.

– Разница в труде, – возражает Орин. – Лучше отдавать ордусы, чем рисковать жизнью, исполняя их. Героика в этом отсутствует, уж я-то знаю.

– Брай так не считает.

– Таков его выбор. Другой вопрос – чего хочешь ты? Подумай: если выберешь Протерум, то сможешь достичь высоких статусов, а мы с Цеей замолвим за тебя слово...

– Перед системой? – я саркастически вскидываю брови.

– В том числе. Как ни крути, систему координируют люди.

- Это превышение полномочий, – снова предупреждаю я.
- Это просто разговоры, – вновь парирует Орин. – Проталкивать тебя никто не собирается – ты не глупа, и сама можешь многого добиться. Кстати, как там Рэй?
- Тоже дебитес! – смеюсь я. – Они с Браем похожи!
- Не такой уж и дебитес. Его результаты я тоже посмотрел, – снисходительно улыбается Орин.
- Не сомневаюсь, – теперь снисходительно улыбаюсь я. – И куда его направили? Рэй сильно переживает.
- Это секретная информация.
- Орин!
- Я не имею истус её озвучивать. Могу лишь сказать, что основные рекомендации у вас не совпадают, а жаль...
- Только не начинай! – закатываю я глаза.
- Не начну, я не ради тебя им интересовался. Просто я знаю его патреса – Геон трудится в Протеруме.
- Как?! Рэй говорил, что его патрес – обычный труженик! Он никогда не упоминал Протерум! – восклицаю я.
- Так и есть. У него низкий статус, но новес он хороший. И филесы у него замечательные. Я рад, что все эти цикласы Рэй был рядом с тобой.
- Ты... Помогал ставить нас вместе? – напрягаюсь я.
- Нооооне, – насмешливо тянет Орин и на мгновение вскидывает глаза на записывающее устройство. – Просто поговорил с Геоном, что у меня есть очень умная, но замкнутая сиблес, которой не помешал бы очень весёлый и общительный амес.
- Нечестно!
- Но ведь помогло.
- Теперь я буду думать, что Рэй ненавидел меня всё это время!
- Зря. Его никто не заставлял. Иногда сложно увидеть хорошее, если смотришь не в ту сторону, но бывает достаточно, чтобы кто-то подсказал повернуть голову...
- Почему ты рассказываешь спустя столько цикласов?
- Потому что период схоляруса прошёл. Дальше вас ждут разные пути, и будет обидно, если они совсем разойдутся... Кажется, мой перерыв завершился, – добавляет он, посмотрев на хронус.
- Что ж, была рада повидаться!
- Обещай, что обдумаешь мои слова.
- Обдумаю... – нехотя отвечаю я.

Трециклас 2. Фертилес. 2.1. Интродуктус

Диас 19, лунас 06, циклас 733 от ГЭ

Просыпаюсь от громкого щелчка хронуса и тут же подскакиваю. Адреналин зашкаливает, будоража организм обжигающей волной. И хотя я точно знаю, что времени достаточно, ведь специально поставила тайминг чуть раньше, чем обычно и чем требовалось, успокоиться всё равно не могу – слишком нервничаю. Я и весь ночас так подскакивала, потому теперь чувствую себя уставшей.

В веспас, приняв пищу в эдериуме, я вернулась и, кажется, заснула над планусом, не дождавшись возвращения Цеи. Бывают периоды, когда мы вообще не пересекаемся. В 24 это заботит мало, но в младшем возрасте я сильно расстраивалась и убегала к Орину, чтобы провести свободное время с ним: наблюдала за экспериментальной и не всегда одобряемой деятельностью, часто мешала, иногда помогала и сама постепенно училась разбираться в электронике. Не особо успешно, зато, даже вернувшись поздно в ночас, матрес не пугалась моему отсутствию в парциуме. Она знала, где я буду.

Сей хорас Цея ещё здесь – из латриниума доносится шум воды, который вскоре стихает. Матрес выходит улыбочивая и посвежевшая, без следа усталости на возрастном, но подтянутом лице.

– Аве, Мира! – восклицает она и наклоняется, чтобы обнять. – Давно тебя не видела! Накануне вернулась в парциум, а ты уже спишь...

– Сие, я рано уснула, – произношу я.

– Иди умойся, у меня ещё есть время.

Я убегаю в латриниум и быстро привожу себя в порядок. Прохладная вода бодрит, смывает остатки сна и дарит уверенность и спокойствие – сей диас они мне необходимы, как никогда. Затем возвращаюсь к Цее, которая уже переделалась в форму и расчёсывает волосы.

Она наклоняет голову набок, разглядывая меня через металлическое зеркало, а я разглядываю её.

У матрес очень добрый, мягкий взгляд. Кажется, я ни разу не видела её хмурой. Сосредоточенной – бывало, но не хмурой. С тонких прямых губ никогда не сходит лёгкая улыбка, а возле глаз из-за постоянного прищура собралась паутинка морщинок, с возрастом ставшая неизгладимой. Русые волосы естественного уне филеса частично уже поседели и поменяли оттенок на пепельный. Они лёгкими волнами обрамляют бледное квадрегонумное лицо, которого почти не касается беспощадное солнце. Не известно, хотела ли Цея трудиться под землёй изначально, но, возможно, именно из-за своих особенностей выбрала Протерум – она слишком светлая для внешней среды, первого нордического фототипа, и эта светлость в десятикратном размере воплотилась в Орине, не оставив тому шансов. Большой сиблес очень похож на матрес, и даже Брай получил от неё приятный серый цвет глаз, который, в свою очередь, передал Метре и Мерит. А со мной её словно ничего не связывает...

– Подойди, – зовёт Цея, откладывая щётку в сторону.

Я послушно подхожу и встаю рядом, теперь разглядывая наши отражения вместе.

Ноне, мы совершенно не похожи.

Ни капли.

При том, что обе мы миксесы, матрес – очень светлая, высокая, гибкая европейка. Хотя у её предков, как и у всех, понаместалось множество рас, большинство из них были светлыми – это факт. Я же – средне-тёмная, коренастая, плотная афро-азиатка. И единственное, что нас объединяет – простой квадрегонум тутеров на левой щеке. На правой щеке Цеи темнеет спираль – сигнус протеров. У Орина такая же, наложенная на частично изменённую кожу, а

у Брая – дисмит. Что появится у меня – вопрос пока открытый, ведь, провалившись в сон на заходе, я так и не пришла к какому-либо решению.

– Ты стала совсем большой! – восторженно говорит матрес. – Подумать только, ещё недавно я получила на тебя разрешение, и вот – скоро ты сможешь завести собственных филесов...

– Пока не планирую, – несмело отвечаю я.

– Это наш облигатус, как и труд на благо Аркама. Ты же знаешь пактусы – популяцис должен расти.

– Популяцис уже вырос. Теперь он должен оставаться неизменным, – возражаю я. – Мы давно достигли своего максимума, окопались в этих стенах и не строим новых урбумов...

– Просто ты ещё не нашла кандидата, – снисходительно улыбается Цея, заставляя лучики морщинок проявляться сильнее. – А когда найдёшь, перестанешь рассуждать столь категорично.

– Расскажи про Сандра, – вдруг прошу я. – Почему ты решила создать келлис именно с ним?

Цея тяжело вздыхает, разворачивается ко мне и заботливо поправляет падающие на лицо непослушные пряди.

– Ну... Мы вместе прошли все либеллусы схоляруса, отлично друг друга знали, но на Интродуктусе выбрали разные катервисы. И я, и Сандр понимали, что можем больше не пересечься...

– Ноне, – перебиваю я. – Что ты чувствовала к нему? Ты ведь что-то чувствовала? Симпатию? Влечение?

– Скорее, это было чувство долга. Мы приняли разумное, обоснованное и взвешенное решение. Необузданные порывы и неукрощённые эмоции были характерны для людей древности, а новесы руководствуются разумом.

– То есть мне придётся создать келлис по расчёту?

– Все так создают. Если получится, то с выбранным виресом ты проведёшь жизнь, будешь общаться каждый диас, вынашивать и выращивать филесов, что важно. Безусловно, в 2 они пойдут в Инфантум, а в 5 перейдут в Схолярум, но всё же. Это немалый труд, потому выбирать нужно того, кто способен разделить его с тобой. Что касается Сандра... Не могу описать точно. Рядом с ним мне было очень тепло, я чувствовала себя уверенной и защищённой. Пусть все мы находимся под защитой Аркама, но я знала: даже если стены урбума рухнут, даже если мы останемся последними людьми на Инове, с ним я не пропаду.

– Ты бы и так не пропала.

– Сие, система делает нас машиноподобными. А с ним я была прекрасной! Знаешь, когда Сандр погиб, я подала прошение на третьего филеса не только чтобы отвлечься от горя. Его геном точно воплотился в Орине. В Брае – возможно. А возможно, и ноне, ведь все говорят, что у него мои глаза. Но я хотела большего. Я хотела, чтобы Сандр продолжился в тебе, потому просила использовать его генетический материал и донорскую яйцеклетку. Получилось ли, сказать сложно – ты не похожа ни на него, ни на меня. Однако я верю, и разум тут совершенно ни при чём...

Снова смотрю на себя в зеркало, но теперь иным взглядом. Поскольку я филес одинокой малес, то всегда считала, что не имею к Сандру никакого отношения, и уж тем более не думала, что могу оказаться его продолжением. Это странно – быть частью того, кого даже не знаешь. Пытаюсь разглядеть в себе черты патреса, как всё это время искала черты Цеи, но не нахожу. Либо чужой материал оказался слишком сильным и перебил рецессивные гены, либо я являюсь тем самым вариантом абсолютно донорского филеса...

Разочарованно вздыхаю, а Цея неверно истолковывает моё настроение.

– Сей диас ты должна думать о катервисах, а не о келлисах, – лукаво улыбается она. – Кто-то предложил?

– Возможно...

– Он тебе нравится?

– Не знаю... Я не понимаю, что должна чувствовать или думать для подобного решения.

– Тогда не торопись. Вот станешь фертилес, начнёшь общаться не только с ровесниками, и кто-нибудь обязательно приглянётся.

– Может, не приглянусь я, – раздражённо усмехаюсь и по привычке зажимаю плечи.

– Обязательно приглянёшься! – утверждает матрес. – Ты красивая, и у тебя хорошие, сильные гены. А мне придётся делить парциум с такой же древней сенектес, как я...

– Цея, ты ещё не сенектес! – пытаюсь убедить, хотя прекрасно осознаю, что она переключает моё внимание. – Впереди десяток и шесть цикласов, ты ещё можешь создать с кем-нибудь пару. Или можешь жить с Орином, он вряд ли вступит в келлис и впредь...

Цея резко выпрямляется, словно получив пощёчину. Я задела за живое – матрес не любит, когда так говорят про Орина, поскольку это напоминает ей о собственной генетической неполноценности.

– За два десятка и пять цикласов не создала и теперь не создам! – напряжённо произносит она.

– Пардоне! Я не хотела...

– Ничего, это ведь верус... Пойдём, я кое-что тебе покажу.

Мы подходим к стене возле её койки, где крепится стол. Цея открывает ящик, достаёт оттуда поддон с красками, которые я использовала накануне, и дозатор с регенерирующей мазью.

– Я кое-что придумала, когда была в твоём возрасте, и с тех пор пользуюсь постоянно...

Она выдавливает на запястье каплю мази, открывает краску – светлую охру, – зачерпывает немного рассыпчатой кашицы и начинает энергичными движениями их перемешивать. Получается однородная субстанция телесного цвета. Кончиками изящных пальцев матрес наносит смесь на внутреннюю сторону руки, где кожа настолько тонкая, что просвечивают синие ниточки, и те практически исчезают.

– Зачем прятать вены? – не понимаю я.

– Не вены, а усталость. Это делает тебя привлекательнее, но нужен другой цвет. Смотри...

Цея проделывает те же манипуляции с более тёмной, почти коричневой краской, подводит меня обратно к зеркалу и ставит к нему лицом. Сама встаёт спиной и начинает размазывать месиво по моей коже – в основном под глазами и по синяку на подбородке. Тот уже немного позеленел, но всё равно болит, из-за чего я непроизвольно дёргаюсь и морщусь.

– Видишь? – спрашивает Цея, завершив свой труд.

Я смотрю, однако разительных перемен не замечаю. В отполированном металле по-прежнему отражаюсь я, только не такая невыспавшаяся и без синяка, который действительно стал почти незаметен.

– Но краситься следует осторожно, чтобы никто не догадался, – предупреждает матрес.

– А это не вредно? – интересуюсь, пытаюсь определить, так ли мне нужно её изобретение.

– Охра делается из глины, – объясняет она, открывая третью баночку. – А глину ещё наши предки использовали в качестве косметического средства.

– Какого?.. – переспрашиваю незнакомое слово.

– Косметического, – повторяет Цея, возвращаясь ко мне. – Предки знали много способов сделать себя привлекательнее: выровнять тон кожи, затемнить глаза, выделить губы... Глина, например, впитывает лишний жир и подсушивает, так что это даже полезно.

– Не слышала ничего подобного, – признаюсь я.

– Тутеров такому не учат. Что там – никого из новесов такому не учат! Зато гностеры знают о свойствах глины достаточно, ведь они создают не только защитные средства, но и оздоравливающие. Часть информации есть в общем доступе – ничего секретного. Посмотри, если хочешь. А вот так... – и она слегка трогает мои губы подушечками пальцев, предварительно обмакнув их в банку с красной краской. – Так твои губы станут похожи на плоды керасе арбеса.

Далее матрес ловким движением скручивает мои волосы в красивый завиток и укладывает на одну сторону. Но длины и мягкости не хватает, потому они тут же раскручиваются. Тогда она берёт меня за плечи и тянет вниз и назад, заставляя выпрямиться и уверенно выставить грудь. Теперь из зеркала смотрит не застенчивая схолярес, вечно покрытая синяками и ссадинами, а настоящая малес – подтянутая, привлекательная, с яркими пухлыми губами и даже имеющая ту самую грудь.

– Нравится? – спрашивает Цея, слегка приподнимая мне подбородок и тем самым удлиняя шею.

– На вкус как краска, – сухо отвечаю я.

– Зато все попадают от восторга!

Не уверена, что это необходимо...

Ноне, мне нравится то, что я вижу, только это не я. Такая малес не останется незамеченной, на неё обязательно обратят внимание все: и малесы, и виресы, и бывшие схоляресы, и нынешние фертилесы. А я внимания не хочу. Я хочу снова сжаться и стереть всё это со своего лица...

– Теперь понятно, почему ты мало рисуешь, – говорю я и ссутуливаюсь обратно.

– Я рисую, но не на полотнах! – смеётся матрес, складывая баночки в ящик. – Хотя и на них тоже. Иногда. Кстати, не только я – присмотришь к имперам.

– Они тоже рисуют?

– Ноне! Разумеется, ноне! – смеётся Цея. – Но ты видела всех этих куратеров и деклаеров?! Идеальная кожа, шикарные ресницы, блестящие волосы! А губы...

– Что губы?

– Губы, как у тебя!

– Генетика.

– У всех?

– Не у всех. У Рэмы из нашего дивидериума обычные тонкие губы.

– У всех статусных малес губы, как у тебя, хотя негроидная раса рядом даже не стояла.

– Хочешь сказать, имперы используют косметические средства?

Цея только пожимает плечами.

– Но ведь это...

– Запрещено? Ни в одном пактусе такое не фиксируется. Другое дело, что косметические средства не являются средствами первой необходимости, потому выдают их не всем. Я бы даже сказала – лишь избранным...

– Это противоречит Резолюцусу! – упрямо возражаю я. – Пактусу, что все кластисы равны!

– Кластисы, может, и равны, а вот новесы – ноне. Более того, если бы все действительно были равны, то не было бы ни кластисов, ни катервисов, ни статусов. Стратификация изначально придумана, чтобы нас разделить и не смешивать.

– Это тоже противоречит Резолюцусу – утверждать, что это не так... Это наказуемо!

– Наказуемо иметь блага, которых лишены остальные, только никого это не останавливает. Поверь, косметическими средствами дело не ограничивается, иначе новесы не гонялись бы за статусами. Через несколько хорасов ты станешь фертилес, и я хочу, чтобы ты со всей ясностью и осторожностью осознавала: в нашей системе не всё так просто... Что ж, мне пора,

– она мягко улыбается, разбавляя возникшее напряжение. – Ты тоже не задерживайся, а то приём пищи завершится. Удачи на Интродуктесе! Я буду смотреть со скринуса!

Матрес целует меня в лоб и бросает уже на выходе из парциума:

– Зачеши высокий хвост!

– Вале... – едва слышно отзываюсь я.

Оставшись в одиночестве, вновь кидаю критический взгляд в зеркало. Раздумываю, не стереть ли все деяния Цеи и не вернуть ли свой первоначальный вид, но в результате убираю только краску с губ, от которой рот наполняется противным химическим привкусом. Мнение не меняю – это действительно нечестно, однако сей диас меня покажут по всему Аркаму и, возможно, несколько раз прокрутят в повторках, потому хочется выглядеть... Сносно. Затем я облачаюсь в форму и, последовав совету Цеи, делаю высокий хвост. Такая причёска добавляет мне немного роста, открывает шею и как бы подтягивает лицо, особенно глаза, подчёркивая их азиатский разрез.

В этот момент хронус, тихо и незаметно отсчитывающий миасы, в очередной раз щёлкает, сообщая, что эдериум вот-вот закроется. Быстрым шагом направляюсь туда, но матрес уже не застаю – она стремительно проглотила свою порцию и ушла в Протерум. Секциум практически опустел, здесь остались лишь тресы, ожидающие Интродуктеса, то есть все свои.

Подношу запястье к сканеру, получаю пищу и направляюсь к столу, за которым обычно сидит наш изрядно поредевший келлис, плюс три других – более многочисленных. Пока я дефилирую, несколько тресов свистят мне вослед, заставляя смущаться.

Так и знала, что не стоит слушать матрес!..

Стараясь не обращать внимания на свистунов, я сажусь и в гордом одиночестве принимаюсь быстро вскрывать ёмкости. Остался всего десяток миасов, после чего следует покинуть эдериум...

– Отлично выглядишь, Мира! – неожиданно громко провозглашает Рэй, бесшумно подошедший сзади.

Едва не опрокидываю на себя варёные в молоке злаки и злобно на него смотрю.

Ну сколько можно-то?!

– Тебе идёт это... Сооружение на голове! – не замечая или делая вид, что не замечает моего испепеляющего взгляда, невинно улыбается он.

– Это называется «Причёска», дебитес!

– Тебе идёт эта «Причёска»!

– Граце! – фыркаю я и снова краснею.

Не уверена, что готова поднимать неловкие темы сей хорас, ведь скоро начнётся Интродуктус, однако Рэй избавляет меня от разговоров.

– Я уже поел, встретимся в Грандуме! – небрежно кидает он и уходит.

– Бене...

Провожая амеса озадаченным взглядом.

Между нами многое изменилось, а через несколько хорасов изменится и оставшееся: мы перестанем быть схоляресами, которых генесы попросили держаться вместе, получим новый труд, новые истусы и облигатусы. Кроме того, после озвученного предложения я не могу относиться к нему также легко, как раньше, и это угнетает.

Я думаю про Рэя и пытаюсь примерить на него всё, что сказала матрес.

Появляется ли внутри тепло от его присутствия?

Сие. Определённо появляется.

Хочу ли я видеть его каждый диас?

Сие. Я к нему очень привыкла.

Способен ли он растить филесов?

Сие. Рэй замечательно относится к филесам – свою сиблес Ариту просто обожает и сам иногда действует, как инфантес.

Ощущаю ли я себя прекрасной рядом с ним?

Ноне. Я ощущаю себя серьёзной, угрюмой и вечно ворчащей, только дело не в нём, а во мне.

Могу ли я на него положиться?

Снова сие. Если понадобится, Рэй сделает всё возможное, дабы мне помочь. По крайней мере, постарается.

Чувствую ли я надёжность и защищённость?

Снова ноне. И не могу объяснить почему – просто ноне.

Интересный парадокс...

Может, дело в причине нашего общения? Всё-таки странно получить ответ на вопрос, который мучил десяток цикласов. Хочется злиться на них обоих, но не получается – сиблес руководствовался лучшими побуждениями, а Рэй, кажется, искренне ко мне тянулся и в итоге морально и физически помог намного больше, чем я помогла ему в теории. Жаль, что скоро всё завершится. В отношении остальных схоляресов не жалею ни капли, наоборот, радуюсь, что больше не увижу их лица, а вот с Рэем расстаться будет тяжело...

И я, и Рэй догадывались, что протеры не войдут в список его рекомендаций, однако венатеры могли бы вполне. К сожалению, с количеством предупреждений, которые накопил амес, данный катервис могли исключить, так как он считается статусным, и попадают туда лучшие. Кто же тогда? Явно не визеры – не настолько Рэй плох. Значит, либо авитеры, либо милитеры. Не катастрофично, поскольку и там, и там можно многого добиться. Везде можно многого добиться, а с его-то рвением – особенно...

Соображаю, что эдериум вот-вот закроется, когда остаюсь в секциуме одна. Быстро закидываю в рот булочки, запиваю напитком и иду к сортировке. Там сдаю невскрытые ёмкости, вытряхиваю злаки в бак и покидаю секциум как раз под щелчок хронуса.

Я направляюсь в Грандум, где пройдёт наш Интродуктус – важное событие для всех новесов и всего Аркама. В этот диас схоляресам, достигшим 24 цикласов и завершившим обучение во всех Схолярумах своего кластиса, на правую щёку наносят второй сигнус – обозначение выбранного катервиса, а также наглядную фиксацию того, что данные новесы являются половозрелыми особями, могут трудиться наравне с фертилесами, создавать келлисы и растить филесов. У каждого из основных, то есть официальных катервисов имеется свой сигнус, однако постепенно мы обрастаем новыми катервисами, которые придумывают собственные сигнусы. Вот только в Резолюцус нельзя вносить изменения, потому они остаются неофициальными ответвлениями.

Интродуктус каждого кластиса, как и зачисление в схоляресы, совершается дважды за циклус. Всё начинается с кластиса 01 имперов. Их Интродуктус проходит в диас 1, лунас 1, что совпадает с началом нового циклуса. Далее в диас 19 каждого лунаса поочерёдно проходят Интродуктусы в остальных пяти кластисах, а через 5 лунасов всё повторяется заново. Церемонии транслируют на скринусы Аркама и затем до Интродуктуса следующего кластиса крутят повторы. Так что предстоящее событие – только для нас, для тутеров, и выбирать мы будем только из тутеров.

В одном из пактусов Резолюцуса фиксируется, что никогда и ни при каких обстоятельствах новес не может сменить кластис. Любая несанкционированная попытка сменить кластис, изменить сигнус кластиса или катервиса на теле либо данные кластиса или катервиса в реестре влечёт незамедлительное наказание в виде мортуса. Перейти в другой кластис, образовав пару, тоже невозможно. При этом, благодаря стараниям генетиков и репродуктеров, в нас намешаны не только все расы, но и все кластисы, следовательно, стратификация не определяется генетической наследственностью от слова совсем. Филес терсера, а точнее филес, созданный из

генетического материала терсера, может оказаться в кластисе имперов и наоборот, ибо все новесы сдают генетический материал не только для собственных филесов – это облигатус. В базах Аркама, в личном деле каждого новеса, дотошно фиксируется, чей геном использовался и какой матрес был подсажен, так что реестр можно проследить от самых первых новесов, укравшихся в стенах урбума.

Можно, но не нам.

Во-первых, эта информация строго засекречена, доступ к ней имеется лишь у калидеров и имперов с высокими статусами. А во-вторых, в любом случае кластис наследуется по малес, выносившей филеса, так что смысл изучать свою родословную отсутствует. Последний пункт кажется мне самым нелогичным. Если у новеса большинство предков из руководства, то склонность к данному виду деятельности может оказаться наиболее сильной. Однако единственное, где это, наверное, учитывается – в рекомендациях перед Интродуктусом...

Миную входной портал в один из самых просторных секциумов Аркама, когда на сидениях почти не остаётся свободных мест. В Грандуме находятся трессы, которые вот-вот перейдут в фертилесы – около трёх сотен; трессы, которым Интродуктус предстоит в следующем семециклесе – для ознакомления; некоторые протеры, куратеры и лексеры – для проведения церемонии; милитеры и визеры – для контроля дисциплины; медеры – для контроля физического состояния схоляресов; терсеры, рефектеры и электеры – на случай неожиданной поломки оборудования; а также немногочисленные представители других кластисов, у которых выпал свободный диас и которые пожелали провести его здесь. Прочие новесы отсутствуют, дабы не нарушать трудовой режим.

В сердце Грандума, в самом эпицентре сходящихся циклумов сидений, находится подиум, на котором сей диас установили медицинское кресло с биолазером, а чуть в стороне расположили контролируемую компьютерную установку. Неожиданно узнаю оператора – это Орин! Знакомый голубой свет бионических конечностей, который он включил для усиления эффекта торжественности, просматривается издалека. Куртку сиблес снял, оставшись в майке с коротким рукавом, штаны закатал до колен, а обувь его ногам вообще не требуется. Орин как бы демонстрирует, что не боится излучения прибора, хотя по большей части его внешний вид обусловлен производимым впечатлением – под длинной туникой никакого света не было бы видно.

Но странно другое – столь нудный труд, как манипулирование лазером и фиксирование данных, не входит в функционал столь статусного протера. Могу лишь предположить, что Орин вызвался добровольно, поскольку сей диас Интродуктус прохожу я.

Его присутствие и смущает, и радует одновременно, а у тресов вообще вызывает неконтролируемый восторг, ведь благодаря своей деятельности Орин весьма известен, а благодаря внешности – узнаваем. И никого из схоляресов не смущает квадрепротезирование, хотя следует задуматься, к каким последствиям может привести необдуманный риск в частности или труд тутеров в принципе. Задумываются же единицы. Знаю, многие считают, что Орин таким родился – не просто альбесом, а с физическими отклонениями, потому достижение высоких статусов абсолютно «Дефективным» новесом для них представляется чем-то невероятным и непостижимым.

– Мира!

Голос виреса, произносящий мой номен, едва слышится сквозь гомон толпы. Я отчаянно кручу головой по сторонам, выискивая источник звука, а потом вижу Рэя. Он активно машет руками, подзывая к себе – занял нам места, но, похоже, с трудом удерживает оборону.

– Граце! – благодарно выдыхаю, когда добираюсь до него вдоль забитых сидений.

– Там твой сиблес? – спрашивает Рэй, указывая на подиум.

– Сие, это Орин.

– Узнал его по рукам! – Рэй усмехается. – И ногам!

– Великая насмешка – новес с генетическим дефектом является одним из умнейших среди нас! – огрызаюсь я. – Конечности ему оторвало на агруме, а кому-то и голову отрывает за ненужностью!

– Я в курсе, не злись, – амес по-простецки пихает меня в бок.

Хочется огрызнуться ещё, но тут раздаётся предупреждающий сигнал, и все, в том числе и я, замолкают.

– Аве, схоляресы тутеров! – приветствует нас куратер Цим 01-08909.

Это высокий, плотно сложенный вирес, который последние несколько цикласов проводит церемонию. Его коричнево-седеющие, аккуратно подстриженные волосы кольцом обрамляют небольшую проплешину на макушке и подчёркивают дряблое, обвисшее лицо человека, приближающегося к сенектусу. Тут же вспоминаю слова матрес про удивительные косметические средства, помогающие статусным имперам продлевать красоту, и червь сомнений начинает грызть меня изнутри. Цим явно ничем подобным не пользуется, поскольку выглядит, как и должен выглядеть новес в его возрасте. Единственное, что у него «Не-как-у-всех» – вместо стандартной формы надета длинная, доходящая до пола туника с высоким воротом. Под ней скрываются специальные пластины, защищающие от излучения биолазера, ведь сей диас тресы получают только по одной дозе, а он, находящийся в непосредственном контакте с каждым – почти три сотни.

Когда громогласное ответное «Аве!» стихает под высокими сводами Грандума, куратер начинает традиционную речь про наш долгий и сложный путь: как мы познавали и впитывали новый мир в качестве инфантесов, преодолевали либеллусы обучения в качестве схоляресов и теперь приступаем к труду на благо Аркама в качестве фертилесов. И далее под восторженный шелест рук он объявляет начало Интродуктуса. Все тайком вздыхают и удобнее устраиваются на сиденьях, ведь чтобы три сотни новесов получили сигнус будущего катервиса, понадобится несколько хорасов.

Оператор, то есть Орин, вызывает нас по одному, зачитывая номен и индивидуальный цифровой код. Новес восходит на подиум, подносит запястье к сканеру, после чего садится в кресло.

– Какой труд ты выбираешь, тутер? – спрашивает Цим.

Получив ответ, куратер делает жест согласия или, крайне редко, несогласия. Оператор вносит данные выбора в реестр. Медер дезинфицирует кожу и наносит специальный гель. Рефектер пододвигает клешню биолазера. Свет вспыхивает...

Всё.

Пока всё.

Под воздействием фотонов, пробивающих слой геля, глубоко в структуру дермы проникают специальные вещества, которые связываются с тканями организма – это так называемые биочернила. Они весьма стабильны: не выгорают под воздействием солнечного излучения, не расплываются, оставаясь в границах, обозначенных лазером, и имеют свойство расти вместе с телом. Сразу после партуса на левую щеку каждого новеса ими наносят сигнус кластиса, а на конечности – браслеты ИЦК, которые сохраняются всю жизнь. Однако сей момент кожа, обожжённая мощным импульсом, лишь краснеет размытым пятном. Биочернила проявятся позже, когда завершатся все химические процессы, что занимает от одного до десятка диасов и зависит от биофизических особенностей новеса. Например, на плотной, рубцовой ткани ожога Орина биочернила проступили спустя восемь диасов, а дистемиттус Брая был замечен уже через два.

Список тресов всё тянется и тянется, потому к моменту, когда вызывают Рэя, я, как могу, борюсь с подступающей дремотой. Вяло стучу руками и вяло улыбаюсь, а он, сияя, словно начищенный разнос в эдериуме, садится в кресло и устремляет в мою сторону горящий взгляд.

Понимаю, что для амеса данный момент очень волнителен. Он волнителен для всех и каждого, но почему Рэй смотрит именно на меня?

Неужели после Интродуктуса предложит келлис?..

И что я отвечу?..

От этих мыслей я начинаю нервничать. Рэй же, наоборот, улыбается всё шире, и куратеру приходится просить его расслабить лицо. Не дождавшись вопроса, амес озвучивает свой выбор, откидывается на спинку кресла и закрывает глаза. Биолазер включается, немного скрипит, выплёвывает вспышку света, после чего Рэй возвращается на место.

– Теперь я фертилес! – радостно сообщает он.

– Поздравляю! Но ты дебитес – зачем выбрал милитеров? С твоими-то способностями!

– И количеством предупреждений! К сожалению, выбор был невелик.

Что ж, такой вариант просчитывала и я...

– Ничего, ты найдёшь применение своим талантам! – искренне улыбаюсь. – Брай тоже милитер и лучший сагитер в Аркаме!..

– Мира 02-07907! – неожиданно озвучивает Орин.

Я вздрагиваю и поднимаюсь с сиденья.

– Выбирай Протерум! – кричит Рэй мне вслед.

Медленно иду вдоль рядов с тресами, спускаюсь по серым ступеням и приближаюсь к подиуму, параллельно чувствуя, как обжигающей волной меня охватывает смущение, раскрашивающее кожу в цвета тёмного леса. Находиться в центре всеобщего внимания – это то, чего я больше всего боюсь, а сей минас за происходящим наблюдают не только три-четыре сотни тутеров, собравшихся в Грандуме, но и весь Аркам, все новесы во всех шести кластисах, имеющие доступ к скринусам. Матрес тоже смотрит, и Брай с Балой, и даже Метра с Мерит – в инфантиумах транслируют церемонию, дабы подрастающие филесы прониклись торжественностью момента с пелёнок. Те же, кто не может оторваться от трудовых обязанностей, посмотрят повтор, когда диас завершится. А потом ещё и ещё, и от этого точно не легче. Я зажмуриваюсь, желая провалиться сквозь пол и все стациумы урбума в самую глубь планеты, однако плывущий в воздухе шелест рук, многократно усиленный высокими сводами, буквально выносит меня на центр, где я замираю возле компьютерной установки.

Заметив моё замешательство, Орин отрывает взгляд от скринуса и светящимся протезом изящно указывает на сканер. Спohватившись, подношу запястье. И вот – я уже в системе, которая зафиксирует для меня деятельность на всю оставшуюся жизнь.

– Садись в кресло, Мира, – спокойно подсказывает сиблес.

Безмерно ему благодарна, поскольку иначе данный Интродуктус вошёл бы в историю как самый нелепый и смешной. Скованно опускаюсь на сиденье, кладу руки на широкие подлокотники, откидываю голову и расслабляю шею. Пытаюсь расслабить, ведь я ужасно напряжена, кресло ужасно неудобное, а подголовник подстроен под предыдущих, более высоких схоляре-сов. Подходят новесы. Рефлектер регулирует подголовник, чуть опуская его вниз – граце, становится намного лучше! Медер, подобно гигантскому арахнесу, накидывает сеть проводов, подключая к вискам, ключицам, запястьям и щиколоткам датчики физиологических параметров, затем протирает щёку резко пахнущей жидкостью и наносит биогель, больше похожий на холодную слизь. Но мне почему-то нравится – это остужает мой внутренний пожар...

– Какой труд ты выбираешь, тутер? – спрашивает куратер Цим.

– Венатер! – быстро отвечаю я, пока не передумала.

Наверное, озвученное решение для многих становится полной неожиданностью – ну какой венатер из такой трусихи и неудачницы?! Звучит абсурдно, даже для меня самой, но это именно то, чего я хочу. В смысле, я по-прежнему не хочу ловить дамнаресов, однако перспектива безвылазно сидеть под землёй кажется уж совсем невыносимой...

Куратер утвердительно кивает, потом делает позволительный жест Орину, и тот принимается громко стучать по кнопкам, слегка поджимая губы. Знаю, что он разочарован, ведь хотел видеть свою сиблес в Протеруме, рядом с собой, но также знаю, что он поддержит любое моё решение.

Закрываю глаза и замираю в ожидании неприятных ощущений. Нам рассказывали, что они будут подобны жжению, как если бы кожа долгое время находилась без защиты под палящим солнцем. Несомненно, у каждого на теле уже имеются сигнусы и цифровые браслеты, только инфантесы получают их в фактически неразумном состоянии, потому никто не помнит, каково это – их получать. Но и никто из предыдущих схоляресов не закричал и не потерял сознание, а значит, не потеряю и я. Клешня, вплотную подведённая к моей намазанной гелем щеке, трещит, набирая энергию, затем громко щёлкает...

И в этот момент свет начинает моргать.

Понимаю, что происходит что-то не то, но стараюсь не шевелиться и даже не дышать, ведь это может повлиять на итоговый результат. Мне страшно и неудобно. Мысленно представляю, как прибор, замирающий, щёлкающий и снова замирающий, взрывается, раскидывая куски моего обезображенного тела во все стороны, или нагревается до такой степени, что прожигает голову насквозь. Слышу, как под сводами Грандума поднимается гул голосов, и это всеобщее волнение затмевает даже боль – я её не улавливаю, не замечаю и лишь крепко впиваюсь ногтями в подлокотники.

Однако потом питание восстанавливается, освещение выравнивается, а лазер послушно возвращается на исходную позицию.

Я открываю глаза и озираюсь по сторонам, но двигаться боюсь – мне ещё не разрешили. Быстро, словно мусцесы, слетаются озадаченные медеры. Суетятся, считывают показатели биометрических приборов, потом снимают с меня энергефилусы, внимательно осматривают лицо и наносят охлаждающую мазь. Она не помогает – кожа нестерпимо горит и болит. Сажусь и несмело трогаю рукой обожжённую щеку, будто пальцы могут обнаружить то, что не заметили человеческие глаза и датчики. Ощущение, что её действительно спалило солнце, обуглив до самой кости, реально присутствует, но больше ничего – никаких язв или корост, лишь новая, вязкая слизь.

Рядом копошатся рефектеры и электеры, проверяя соединения кабелей, а Орин, впившись взглядом в скринус, сосредоточенно изучает данные.

– Думаю, всё нормально, – после мучительного ожидания озвучивает он. – Программа показывает, что процесс внедрения был завершён.

– Физические показатели стабильны, – подтверждает медер и протягивает руку на случай вертиго.

Приняв его помощь, неуклюже выбираюсь из кресла и растерянно оборачиваюсь на собравшихся в Грандуме зрителей, которые, словно серые падальщики, смотрят азартно-блестящими глазами в ожидании продолжения. Никого, кроме меня и ведущих церемонию новесов, случившееся на самом деле не напугало, и если бы сей минас я свалилась за смертью, вот тогда они были бы довольны – лучшее зрелище для повторов! Но я не падаю, потому некоторые начинают кривить лица и не стесняясь выказывать разочарование.

– Поздравляю, теперь ты фертилес! – громко озвучивает куратер Цим, а затем объявляет перерыв для устранения неполадок.

От неловкости я зажимаюсь ещё сильнее. Обычно после нанесения сигнуса куратер провозглашает фертилеса жестом, только эта ситуация явно необычная – сбой в функционировании оборудования, что бы его ни вызвало, обстоятельство редкое. И, разумеется, это случилось со мной. И, разумеется, это станет самым обсуждаемым событием на ближайший лунас. И, разумеется, в повторках будут крутить, как я испуганно озираюсь по сторонам, пока на церемонии

гностеров не случится что-то более конфузное. Остаётся надеяться, что из-за скачка напряжения в системе записи тоже произошёл сбой, и момент моего позора не сохранился...

Пока поднимаюсь по ступеням, со всех сторон, будто камни, в меня летят взгляды и обрывки разговоров. Тресы косятся, обсуждают, высмеивают и тычут пальцами, совсем не заботясь, что при этом чувствую я. Хочу уйти в парциум, подальше от камер и от всех них, но не могу – церемония ещё не завершилась, а значит, я не имею истуса покидать Грандум. Под гул голосов, усиливающийся с каждым шагом, плотнее натягиваю маску безразличия и возвращаюсь на своё место. Там на краткий миг поднимаю глаза на Рэя и лишь теперь осознаю, что шла, крепко прижав руку к обожжённой щеке. Амес ободряюще похлопывает меня по спине, но это вызывает лишь раздражение. Я хмурюсь и дёргаю плечом.

– Ты как? – спрашивает он.

– В норме, – фыркаю я.

– Потом надо спросить у Орина, что произошло...

Молча киваю.

Произошло то, что я – абсолютный везунчик!

После того, как все технические манипуляции выполнены, а программа проверена и перепроверена, куратер объявляет продолжение и вызывает следующего треса – Ксея 02-05898. В Грандуме воцаряется напряжённая тишина. Почти физически я ощущаю, как волна внимания покидает меня и поглощает этого несчастного. Ксей пытается транслировать уверенность и невозмутимость, быстро поднимается на подиум и расхлябанно плюхается в кресло, но я вижу, что на самом деле он нервничает: скулы подрагивают, на лбу проступает еле заметная испарина, а пальцы непроизвольно обхватывают подлокотники. Мне даже жаль его, ведь сей минас тутеры наблюдают за ним пристальнее, чем за мной, гадая, испепелит его лазер или ноне.

Ноне.

Ничего не происходит.

Ксей благополучно получает свой сигнус, и далее церемония продолжается в стандартном режиме. А когда последний трес, теперь уже фертилес, возвращается на своё сиденье, мы все встаём, прижимаем руки к нашитым на форму циклумам с пока ещё пустыми квадрегонумами и произносим слова клятвы:

«Мы, полигенетические хабитесы Аркама, получившие праномен аркамесы, соединённые высшей целью и миссией выживания и распространения хьюманиса, утверждая истусы и облигатусы Хомо Сапиенса, руководствуясь принципами равенства и самоопределения, поддерживая мир, согласие и сложившееся расовое и национальное единство, чтя память предков, передавших нам опыт и знания, осознавая ответственность перед нынешними и будущими поколениями, стремясь обеспечить благополучие Аркама и последующих урбумов, принимаем Резолюцус Аркама и клянёмся:

Точно и безоговорочно следовать пактусам Резолюцуса.

Соблюдать социальную стратификацию.

В полной мере и со всей ответственностью выполнять возложенные на нас социально-трудовые функции.

Заботиться о благе Аркама и последующих урбумов, обеспечивать их функционирование и процветание.

Способствовать выживанию и распространению хьюманиса.

Клянёмся!»

Теперь Интродуктус тутеров официально завершён.

В повисшей благоговейной тишине отзвуки последнего слова ещё несколько моментасов витают под сводами Грандумма, после чего их резко сменяют восторженно-усталые визги новых фертилесов и шелест сотен рук. Все бурно радуются и поздравляют друг друга, совсем как в

тот диас, четыре цикла назад, когда сагитеры сбили радиоактивный обломок Луны-2. Рэй обнимается со всеми, я – только с Рэем, а далее мы торопливо направляемся к выходам из секциума.

И идём в эдериум.

После церемонии здесь витает невероятное оживление: бывшие схоляресы обсуждают каждый выбор, шумят, жестикулируют, смеются, кто-то даже кидается едой. Не сильно – просто шутя и сразу поднимая то, что было раскидано.

В данный хорас мы ещё сидим на своих местах, но скоро это изменится. Сказать, что я счастлива, значит, не сказать ничего! Уже несколько новесов посмеялись, что лазер мог прожечь во мне дыру, что сигнус проявится на моих зубах, что ничего не вышло, и через семейный цикл я буду проходить Интродуктус повторно. Аппетита у меня и так не было, а от подобных высказываний он пропадает совершенно, потому я молча смотрю в свой разнос, отрываю крошечные кусочки от крошечной булочки и сосредоточенно жую, стараясь не реагировать.

«Лучше бы сидела с матрес и Орином!» – с досадой думаю я, но потом понимаю, что сама отказалась от такого будущего.

И начинаю постепенно жалеть.

Бене, это лишь один приём пищи. Последний. Со многими из бывших схоляресов я никогда уже не встречусь, а с теми, кто, как и я, выбрал венатеров, попаду в распределение. Вот только ариум тутеров огромен, арумы за пределами стен – ещё огромное, мест труда на них – великое множество, а эдериумы на поверхности у каждого свои, потому дальше нас со сто-процентной вероятностью раскидает кого куда.

Незаметно выдыхаю и расслабляюсь, прокручивая в голове сладостную мысль...

– А Мира вырубил энергия! – громко смеётся Стин над самым моим ухом.

Они что, сговорились?!

Стараясь не растерять остатки терпения, вымученно улыбаюсь, подсовываю нетронутые булочки, сладости и напиток ападесам и поднимаюсь из-за стола.

– погоди, второе отдай! – кричит Стин моей спине.

Я останавливаюсь. Перехватываю разнос одной рукой, ведь с него не может ничего упасть, и ставлю невскрытую ёмкость перед виресом, громко стукнув ею о намагниченный стол.

– Не забудь потом сдать! – напоминаю и ухожу.

– Граце! – снова кричит он.

Только мне его «Граце» не нужно. Стин не особо умный и выбрал визеров, значит, хотя бы по труду пересекаться мы не будем.

Хвала Аркаму!

Оказавшись возле сортировки, понимаю, что сортировать мне нечего, поскольку разнос практически пуст. На нём осталась единственная полупустая ёмкость с супом, которую я без сожаления опустошаю в бак.

– Ты ничего не съела...

Рэй встаёт рядом и тоже раскидывает оставшиеся ёмкости – он тоже подкормил тресов.

– Не хочу, – хмурюсь я, водружая разнос на башню. – Потом проглочу капсулу.

– Все думали, что тебя заберут в Протерум.

– Откуда знаешь?

– Слышал разговоры.

– У меня была такая рекомендация, – признаюсь я. – Основная.

– Почему не прислушалась? Ты бы смогла! Как Цея и Орин!

– Ненавижу людей! В Протеруме я задохнусь... Кстати, ты не говорил, что Геон трудится в Протеруме!

– Откуда знаешь? – теперь хмурится Рэй.

– От Орина. Я виделась с ним в диас раздумий.

Отвечаю, но не озвучиваю, о чём ещё рассказал мне сиблес. Сей минас не лучшее время для выяснения отношений, а вскоре эта информация вообще может стать неактуальной.

– Ну... Патрес не смог достичь никаких статусов и остался в низах.

– Вот и я там ничего не достигну. Не всё зависит от мозгов...

– Что ж, венатерами мечтают стать многие. Просто я думал... Мы оба ненавидим причинять боль...

– Сие, – соглашаюсь, хотя понимаю, что сама себе противоречу. – Но людей я ненавижу сильнее. Я подам прошение в Эксплорум.

От моих слов лицо Рэя озаряется широкой улыбкой, будто своды урбума расходятся, впуская в наполненные искусственным светом секциумы лучи солнца.

– Тогда мы сможем видеться, как прежде! Не теряйся, амес! – говорит он и покидает эдериум.

Медленно выхожу следом, понимая, что ноне – как прежде уже ничего не будет.

Но разве не этого я хотела?

2.2. Дивидус

Диас 20, лунас 06, циклас 733 от ГЭ

На следующий диас приступаем к новому труду.

Радетранус доставляет всех новичков, кроме избравших Протерум, к ставшему привычным зданию основного Схолярума. Здесь начинался де либеллус, завершился тре либеллус, и здесь начинается наша жизнь в качестве фертилесов. Бывшие схоляресы выгружаются на аренуме, где уже ожидают терретранусы и ордиусы, вооружённые планусами и портативными сканерами, а рядом с каждым торчит обозначение – кусок пластика с соответствующим сигнусом.

Я следую к венатерам в сопровождении нескольких новесов. Хоть наши лица скрывают защитные средства, некоторых я узнаю – видела в виетранусе или помню со времён схоляресов, но особо не общалась. Меня они тоже не трогали, потому кажутся вполне адекватными. Венатеров собирается немного – всего три десятка. Сюда, как и в протеры, попадает наименьший процент схоляресов, а самым многочисленным катервисом обычно являются милитеры, потому и количество транспорта для них выделено соответствующее – пять машин против одной нашей.

Когда последний потенциальный венатер фиксируется в системе, ордиус объявляет погрузку. Мы послушно забираемся в крытый короб с крошечными смотровыми отверстиями, рассаживаемся по рядам неудобных, жёстких сидений, и терретранус везёт нас к Схоляруму венатеров.

Пока к Схоляруму, поскольку недостаточно дождаться Интродуктуса и заявить, что хочешь быть венатером – нужно ещё пройти распределение.

Бывшим схоляресам даётся один лунас, дабы разослать прошения в пунктумы желаемого труда, получить подтверждения либо отказы и разослать новые прошения. В основном приходят подтверждения. Мало кто просит труд, не совпадающий с рекомендациями, а рекомендация – фактически приглашение системы. Отказ возможен, если на данный труд претендует слишком много новесов. Тогда из претендентов отбирают наиболее подходящих, а остальных направляют в другие пунктумы и на другие статусы, однако это случается крайне редко, то есть практически никогда.

Поскольку обучение в Схоляруме венатеров проходило последним, то всё выглядит довольно знакомо. Кроме того, что теперь я здесь одна, без Рэя. Его отсутствие ощущается, как отсутствие руки или ноги: вроде бы жить можно, но постоянно сталкиваешься с непроходящим, навязчивым дискомфортом (именно так Орин описывал свои ощущения после потери конечностей). Мне больше не на кого опереться, и я напряжённо балансирую, стараясь сохранить физическое и психическое равновесие...

Ничего, я привыкну.

Должна привыкнуть.

– Аве, венатеры! – громко объявляет ордиус, когда все выходят под палящее солнце и растягиваются в вялый линум.

– Аве! – гремим мы.

Резко просыпаемся, выравниваемся и прикладываем ладони к нашивкам на одежде.

– Мой номен Блэй 02-00888. С этого минаса и до того момента, пока не пройдут распределения, я – ваш непосредственный ордиус, а вы – мой ордис. Диас и ночас вы будете подчиняться мне, выполнять труд, который назначу я, тренироваться, пока не остановлю я. Жить будете в Схоляруме венатеров. Всё ясно?

– Акцепте! – кричим мы.

Лунас без Цеи...

Что ж, я была к этому готова – не хотела бы вылезать из-под её крыла, выбрала бы Протерум.

В этом плане мы отличаемся от других кластисов: из-за специфики трудовой деятельности и необходимости всегда, полные сутки, находиться в боевой готовности, тутеры не проживают в Аркаме постоянно. Исключение составляют только Протеры. Милитеры же вообще чаще живут в Милитеруме, а в стенах урбума располагаются их келлисы, если труд пары не совпадает.

– Доле, – тихо ворчит вирес по правую руку.

Украдкой бросаю косой взгляд.

Новоиспечённый венатер невероятно крупный – на две головы выше и в два раза шире меня, чем напоминает гиганта Брая. Ему ли не любить тренировки? А если учесть, что схоляресы тре либеллуса трудятся наравне с фертилесами, и разница состоит лишь в том, что труд их всегда разный, обусловленный программой обучения, то я искренне не понимаю, чем он недоволен. Условия фактически идентичные, а жёстких ордиусов хватает везде, так что этот Блэй неожиданностью не является.

Сразу после инструктажа направляемся в дивидериум. Поскольку на поверхности все сегментумы и переходы между ними имеют крытые своды, смело избавляемся от текстусов, по очереди подносим ИЦК к сканеру и получаем всё необходимое: форму венатеров с сигнусом крючковатого квадрегонума, вещи для личного пользования, а также предписания во временные парциумы. Руководствуясь новой информацией, следую по незнакомой части Схолярума, отыскиваю нужную дверь и осторожно её открываю (поскольку здесь они именно открываются, а не разъезжаются, как под землёй).

Перед взором предстаёт небольшое помещение, которое сильно отличается от привычных парциумов урбума, ибо располагается в наземной постройке. Стены здесь бетонные, а не металлепластиковые, койки просто стоят на полу, а не привинчены и не скрыты в углублениях, над ними находятся не нагнетатели воздуха, а высокие перекрытия, хотя один вентилятор всё-таки имеется – зияет чёрной дырой в самом центре потолка. Четыре койки, парами составленные вертикально, – по левую руку, две – по правую. В ногах каждой – встроенные ящики для личных вещей. Напротив входа – скошенный портал в латриниум. А в самой дальней стене – смотровое отверстие с тёмной вставкой, фильтрующей свет. В Аркаме такие отсутствуют. Небольшие смотровые отверстия имеются лишь на верхнем стациуме, а под землёй смотреть просто не на что – не на гладкий же камень, который мы обнаружили за недействующим запасным выходом.

– Аве, терриум! – слышу за спиной тонкий голос.

Малес, направленная в этот же парциум, бесцеремонно отодвигает с проёма замершую меня, чем сильно напоминает Вегу. Она уверенно заходит, кидает мешок на ближайшую нижнюю койку и сама забирается туда с ногами.

– Я – Рета 02-01511, – сообщает она, только теперь протягивая руку.

– Мира 02-07907, – представляюсь я, и мы совершаем древний обряд рукопожатия.

– Сие, я тебя помню! – улыбается Рета. – Твой Интродуктус – новое событие для всего Аркама!

А вот я вспоминаю с трудом. Кажется, видела её среди схоляресов, но это не мудрено, ведь все мы из одного выпуска...

Рета и внешне немного похожа на Вегу, только кажется более приятной. Она стройная, подтянутая и ростом выше меня – это заметно даже сей минас, когда малес сидит, сложившись втрое. Черты лица у неё точёные, будто вычерченные по приборам: острый подбородок, прямая линия челюсти, высокие скулы и над всем этим идеальный семециклум лба. Нос – тонкий, с аккуратным циклумным кончиком. Губы – тоже тонкие, с чуть усиленным изгибом и направленными вниз уголками, что придаёт лицу Реты недовольно-саркастическое выражение. Кожа

– средней смуглости, где-то на шестёрку. Глаза – зелёные, миндалевидные и широко расставленные, отчего появляется некоторое сходство с ихтесом. А светло-коричневые волосы малес собрала в спускающуюся с плеча косу, которая явно длиннее разрешённого схоляресам, но даже в этой причёске видно, какие они гладкие и блестящие.

Пока я подыскиваю слова, Рета уже отворачивается и принимается разбирать выданные вещи, избавляя меня от оправданий. Следую её примеру – тоже оккупирую понравившуюся койку и тоже перебираю амуницию. Здесь то, что нам понадобится в ближайшее время: средства гигиены, две смены белья, две смены одежды для парциума, красная униформа венатеров, укомплектованная НЗВ, две пары ботинок, две пары терменосков, два текстуса, защитные очки, тубик с мазью и упаковка питательных капсул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.